

Восхождение к методологии (К предыстории Московского Методологического Кружка)

Рокитянский В. Р.,
независимый исследователь, Москва,
gignomai@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена истокам одного из самых значительных явлений отечественной мысли XX века — Московского Методологического Кружка (ММК), в течение почти сорока лет руководимого Г. П. Щедровицким. В основу статьи положены три гипотезы: (1) становление этого направления происходило как конструктивизация, операционализация и инструментализация логики Гегеля и Маркса, возвращение к серьезному изучению которой в советской философии связано с именем Э. В. Ильенкова, (2) ключевую роль в этом движении сыграла работа (диссертация) А. А. Зиновьева о «методе восхождения от абстрактного к конкретному» в «Капитале» К. Маркса и (3) главной новацией Зиновьева был его отказ от принципа тождества мышления и бытия, своего рода вторая (после Канта) «коперниканская революция» в мышлении. Основной корпус статьи — это конспект первой главы указанного труда Зиновьева с комментариями автора, намечающими развитие «семенных идей», посеянных Зиновьевым, в мощное дерево методологии Щедровицкого и ММК. Статья содержит обширную библиографию текстов Щедровицкого, опубликованных и архивных, на изучении которых должна строиться дальнейшая работа по реконструкции истории ММК. Завершает статью разбор одного из проблемных вопросов логики и методологии — о природе мыслительного акта (на материале работ известного психолога того же круга В. В. Давыдова и комментариев к нему Щедровицкого).

Ключевые слова: мышление, логика, диалектика, метод, категория, форма и содержание, абстрактное, конкретное, методология.

1. Введение

1.1. Цель статьи — ответить на вопрос: можно ли мыслящему непредвзятому собеседнику объяснить (в меру, разумеется, своего понимания), что такое методология и что побуждает его заниматься. Ответить нужно практически — попробовав это сделать. Для меня таким собеседником оказался К. А. Павлов, который на протяжении нескольких месяцев, в рамках нашего «на двоих» семинара, заинтересованно, из позиции «конструктивного непонимания» обсуждал все мои разножанровые сообщения «про методологию».

Как объяснял еще Гегель, введение в философию¹ производится через ее историю². Настоящая статья и есть первый мой шаг в направлении реконструкции этой истории.

К. А. Павлов, среди прочего, сформулировал и более конкретный вопрос: а из чего это родилось? что было первичным импульсом к движению именно в этом направлении? — т. е. вопрос о *начале* методологии. Знаменательно, что важность начала всячески подчеркивал и Г. П. Щедровицкий³ — с обращения к событиям середины 1950-х начиналось практически каждое его обзорное сообщение на новом этапе или в новой аудитории.

Упомянутое обстоятельство — то, что Г. П. сам производил эту историко-реконструктивную работу — порождает вроде бы законное сомнение в нужде делать ее заново. Думаю, однако, что его же пример — многократно и каждый раз по-новому излагать «малую историю»⁴ — как раз и снимает это сомнение. Более того, одной из необходимостей всякого исследования истории ММК и деятельности Г. П. является различие и сопоставление того, что он говорил и писал в тот или иной период (в данном случае начальный), с тем, как он же ретроспективно излагал те же события и идеи в последующие периоды. Словом, история «в версии Г. П.» (как и в версиях других методологов) — это материал для осмысления, во многом образец, но не замена новому самостоятельному исследованию.

1.2. В этой статье я пропускаю без обсуждения самую начальную веху этой истории, слишком хорошо известную и многократно описанную Г. П., совместное выступление молодых философов на состоявшемся зимой 1953–1954 гг. на философском факультете МГУ совещании «О предмете и методе логики». Сохранилось и опубликовано выступление Г. П., выразившее их общую позицию: необходимость содержательной логики, которая бы описывала законы реального, развивающегося научного мышления, обеспечивала бы его средствами и методами⁵. Изначально эта логика мыслилась всеми, в соответствии с марксистской традицией, как **диалектическая** — подлинно диалектическая, в отличие от суррогатов тогдашнего диамата, т. е. основанная на глубоком усвоении К. Маркса и Г. В. Ф. Гегеля.

Но за этим выступлением единым фронтом стояли и принципиальные разногласия, все более проявлявшиеся в расхождении дальнейших путей. Чтобы разобраться в этом, я выбрал три ключевых фигуры — Э. В. Ильенкова, А. А. Зиновьева

¹ Методология, как неоднократно объяснял Г. П. Щедровицкий, — не то же, что философия (о том, в чем между ними разница, мне придется еще говорить), но применительно к этому суждению Гегеля это различие не важно.

² «От этой природы творчества, заключающейся в том, что оно имеет своей предпосылкой наличный духовный мир и что, усваивая его себе, оно вместе с тем и преобразовывает его, — от этой природы творчества и зависит то, что наша философия может обрести существование лишь в связи с предшествующей и с необходимостью из нее вытекает; ход истории показывает нам не становление чуждых нам вещей, а *наше* становление, становление *нашей* науки.

Природа указанного здесь отношения обуславливает характер представлений и вопросов, могущих у нас возникнуть относительно задачи истории философии. Понимание этого отношения выясняет нам вместе с тем субъективную цель изучения истории философии. Эта субъективная цель состоит в том, чтобы путем изучения истории этой науки быть введенным в самое эту науку» (Гегель. Лекции по истории философии. Т. 1).

³ В связи с тем, что мне придется много-много раз помянуть Г. П. Щедровицкого, позволю себе вольность: именовать его в дальнейшем инициалами «Г. П.», как это давно принято в методологической и околometодологической среде. По тем же соображениям «З.» будет далее обозначать Зиновьева.

⁴ Так в ММК называли собственную историю Кружка — в отличие от «большой истории» философии и, шире, человечества.

⁵ См. Щедровицкий 1954а.

и Г. П. Щедровицкого, творчество которых убедительно, на мой взгляд, выстраивается в единую линию развития, которую я и обозначил в названии своей работы — от диалектики к методологии⁶.

1.3. Соответственно, в основание этой работы я полагаю три гипотезы, которые намерен проверить и уточнять.

Первая состоит в том, что вышеназванная линия развития есть линия прогрессирующей *конструктивизации, операционализации и инструментализации*, т. е. движения в сторону сознательной разработки средств и методов мышления. То, что декларируется Ильенковым, принимает характер вполне четкого изложения «форм мышления», способов и приемов у З. И наконец, вырастает в методологию, сферу методологической работы с богатым и постоянно пополняемым арсеналом средств и методов у Г. П., в ММК. С точки зрения собственно мыслительной, это линия развития от спекулятивного мышления⁷ к деятельностному, конструктивно-техническому.

Вторая гипотеза состоит в том, что ключевым, поворотным событием этой линии развития стал труд (диссертация) А. А. Зиновьева «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале "Капитала" К. Маркса)» (Зиновьев 1954/2002). Основаниями для того, чтобы это утверждать, служат (1) прямые, не раз повторенные оценки значения этой работы со стороны Г. П., (2) сохранившиеся в архиве ММК следы внимательного изучения им диссертации и (3) множественные генетические связи между разработками ММК и отдельными суждениями и постановками вопросов в диссертации З. Если (1) и (2) лежат на поверхности и будут привлекаться по ходу изложения, то (3) требуют специального исследования и в данной статье будут только намечены.

В качестве третьей гипотезы утверждается, что главной новацией Зиновьева был *отказ от принципа «тождества мышления и бытия»*. Огромное эвристическое значение этого мыслительного шага (довершенного и развитого Г. П. и его единомышленниками) позволяет, на мой взгляд, применить к нему выражение, которым И. Кант охарактеризовал свой вклад в философию, — это вторая «коперниканская революция в мышлении».

1.4. Соответственно, основным материалом, на который я здесь опираюсь, будет диссертация А. А. Зиновьева. Преобладающая часть статьи — это ее конспект с моими комментариями, отчасти разъясняющими этот текст⁸, отчасти отмечающими его новизну сравнительно с мыслителями прошлого и современниками (в частности, его «другом-врагом»⁹ марксистом-гегельянцем Э. В. Ильенковым), отчасти, и это для меня в перспективе самое важное, намечающими направления развития мысли Зиновьева в последующей работе Г. П.

⁶ Что касается естественно встающего вопроса о прямых связях и влияниях этих фигур друг на друга, то можно точно утверждать, что Г. П. был хорошо знаком с работами Ильенкова и ссылался на них, что З. он прямо называл своим учителем и внимательно штудировал его тексты (написанные до ухода в символическую логику). З., по меньшей мере, мог хорошо познакомиться с представлениями Ильенкова о диалектике в личном общении, ссылок на Ильенкова в его диссертации нет. Отношение З. к работе Г. П. после их расхождения (негативное) высказано им в статье, опубликованной в 1959 г. (Зиновьев 1959в). А. Д. Майданский, издатель и исследователь наследия Э. В. Ильенкова, в ответ на мой запрос сообщил, что никаких упоминаний ни о З., ни о Г. П. в архиве Ильенкова не обнаружено.

⁷ Спекулятивным Гегель называл свой способ мышления, противопоставляя его рассудочному. См. Magee 2010. Speculation.

⁸ Единственное издание диссертации Зиновьева выполнено на редкость небрежно, изобилует ошибками, часто искажающими содержание. Побочным положительным результатом моей работы с текстом станет, надеюсь, исправный текст этого замечательного произведения.

⁹ Характеристика их отношений, данная Зиновьевым в его «Исповеди отщепенца» (Зиновьев 1999).

Из других использованных материалов важнее всего сохранившиеся в архиве заметки Г. П. к диссертации З. и его же диплому на ту же тему, написанные в 1953–1954 гг. (еще до защиты диссертации) и отражающие, по-видимому, еще и интенсивные устные обсуждения (Щедровицкий 1953б, 1954б — см. ниже их специально посвященный им экскурс). Анализ других текстов Г. П., современных зиновьевской диссертации и примыкающих к ней по времени, а также последующих работ, в которых идеи Зиновьева обсуждаются и получают дальнейшее развитие, составляют содержание программы дальнейшего исследования.

Что касается работ «релевантных» философов прошлого, прежде всего Гегеля и Маркса, то должен оговорить, что к первоисточникам обращался лишь в небольшой мере, доверившись в отношении Маркса Ильенкову и Зиновьеву, а в отношении Гегеля вышеупомянутому, отличному, на мой вкус, англоязычному словарю Г. А. Мэйджи — *The Hegel Dictionary* (Magee 2010), в котором обстоятельно излагаются и толкуются основные понятия гегелевской философии.

1.5. Диалектическое мышление представлено в работе З. как движение от абстрактного, по необходимости одностороннего понятия о предмете, к его конкретному, многостороннему понятию. Это движение, сложное по составу и строению, включающее в себя множество взаимосвязанных операций, и называется «восхождением от абстрактного к конкретному».

В диссертации, помимо введения и заключения, три главы.

В первой главе дается общая характеристика восхождения и некоторых принципов его анализа.

Во второй главе рассматриваются «простейшие элементы восхождения». Центральным для нее является рассмотрение двух сторон мыслительного процесса, взаимоопределяющих, параллельно и последовательно осуществляемых движений — **углубления к содержанию предмета** и **движение к его форме**. В этой связи автор рассматривает содержание и применение ряда важнейших категорий — прежде всего, формы и содержания. Специально рассмотрен ключевой для диалектики вопрос о роли **противоречия**.

В третьей главе характеризуются «основные направления восхождения» и их взаимодействие. Это — **изоляция**, рассмотрение предмета «в чистом виде», т. е. отвлеченно от всех обстоятельств, не определяющих его качество, влияющих лишь на форму его проявления, и **конкретизация**, т. е. рассмотрение его в системе связей.

2. Конспект¹⁰ диссертации А. А. Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале "Капитала" К. Маркса)»

Введение

«Капитал» — это источник знания о диалектическом мышлении Маркса, его методах.

Эта фраза — первая, кратчайшая формулировка «революции Зиновьева»: «Капитал» — не только теория капитализма, но и «след» мыслительной работы

¹⁰ «Конспект», как уже было сказано, представляет собой результат некоторого сокращения, местами пересказа текста Зиновьева. Мои комментарии следуют за соответствующим фрагментом, выделенные отступом слева. Выделения в тексте диссертации, кроме специально оговоренных, все мои — это, как и вставки в квадратных скобках, разновидность комментирования.

Маркса по созданию такой теории. И поскольку эта работа признана успешной, то встает задача: выяснить, за счет чего был достигнут успех, за счет применения какого **метода**. Для того, чтобы использовать этот метод в решении других задач.

«Требование "подходить к предметам диалектически" означает лишь самую общую и простую формулировку задач диалектического мышления. Оно говорит о том, **что** в предметах должен выявить диалектик: "происхождение, противоречия, изменение" и т. д. (*) Но *задача эта может быть реализована лишь посредством обусловленных ею и специфических ей приемов (форм) мышления.*

В данной работе мы и рассмотрим специфическую диалектическому мышлению форму — "метод восхождения от абстрактного к конкретному".

Метод восхождения от абстрактного к конкретному зародился вместе с возникновением современных наук. Но степени зрелости сознательного и развитого способа мышления он достиг лишь при определенных социальных условиях и на определенной ступени развития наук. Впервые это было осуществлено в исследовании Марксом буржуазной экономической системы, итогом которого и явился "Капитал". Учитывая этот факт и те достоинства "Капитала", о которых говорилось выше, мы взяли "Капитал" в качестве основного материала для анализа метода восхождения от абстрактного к конкретному и для соответствующих иллюстраций» (с. 12).

(*) С самого начала — полемический подтекст. Здесь — против спекулятивного, не конструктивного понимания и представления диалектики.

Глава первая. Проблема метода восхождения от абстрактного к конкретному

§ 1. Прием или форма мышления

«Выделение в предмете какой-либо его стороны и фиксирование ее в речи есть *абстракция*. "Сторона" — все, что может быть отвлечено в предмете, начиная от чувственных свойств (черный цвет, например) и кончая целыми "отделами" жизни предмета (обращение капитала, например)» (с. 13).

«Элементарная абстракция» — выделение общей стороны ряда предметов при отвлечении от других их сторон (различий). Исследование различных типов элементарной абстракции и их происхождения — дело формальной логики» (с. 14).

Формально-логическая «прописка» «элементарной абстракции», т. е. абстракции в привычном смысле, подчеркивается, поскольку в диалектике и, в частности, в методе восхождения от абстрактного к конкретному термин получает существенно иной смысл. Это переосмысление восходит к Гегелю¹¹.

«Отражение предметов посредством абстракций есть мышление (мысль). В этом определении имеются два момента: 1) отражение предметов и 2) посредством абстракций. Отражение предметов — это значит, что предмет каким-то образом отражается в голове человека безотносительно к данному процессу абстракции. Анализ того, как отразился предмет безотносительно к данному процессу абстракции, будет означать опять-таки анализ какого-либо способа отражения: восприятий, представлений или

¹¹ «То, как Гегель употребляет термины "абстрактное" и "конкретное", часто противоположно их применению в обыденной речи. Большинство людей воспринимают идеи как нечто абстрактное, а объекты (обычно физические объекты) как конкретное. Для Гегеля, однако, объекты абстрактны в том смысле, что они суть лишь части целого: они, сами по себе, неполны и частичны без других частей того целого, которому они принадлежат» (Magee 2010. С. 30).

абстракций; задача оказывается либо бесконечной, либо требует изучения всей истории мышления. Для нас же здесь достаточно сделать вывод: *процесс абстракции как таковой, вне связи с другим процессом отражения существовать не может. Выделение его есть выделение лишь одной стороны мышления. Мысль есть обязательно связь абстракций.* Тип этой связи и есть то, что мы будем называть типом, видом, формой или приемом мысли» (с. 15).

Здесь важно отметить две вещи.

(1) З. пользуется здесь для познания и познающего мышления термином «отражение», принятом тогда в советском марксизме в рамках ленинской «теории отражения». Тот смысл, который вкладывал в этот термин В. И. Ленин¹², вполне укладывается в то, что называют эмпиризмом и сенсуализмом. К «отражению» (Reflexion) у Гегеля это не имеет отношения, у последнего речь идет об отражении мыслью самой себя (рефлексии)¹³ или о прямо противоположном эмпиризму — «отражении» идей в вещах природы¹⁴. З. фактически отказался от ленинской теории как от идеи «плоского отражения» (далее в тексте диссертации). Термином «отражение» в самых ранних работах пользуется и Г. П., но позднее он не только отказывается от термина, но и обосновывает радикальный отказ от эмпиризма в отношении познания. В обоих случаях — и З., и Г. П. — это было предопределено отказом от принципа тождества бытия и мышления (в терминах Г. П. от «принципа параллелизма формы и содержания мышления»).

(2) Утверждается необходимая связь абстракции с другими видами «отражения» (познания), что отличает позицию З. от спекулятивного мышления Гегеля (см. ниже).

«В характеристику "формы мысли" мы, однако, будем включать не только тип связи абстракций, но и тип мыслимого предмета (что за предмет отражается), и тип абстрагируемой в нем стороны. Точнее говоря, тип связи может быть понят только в связи с учетом последних.

Тип мыслимого предмета и тип абстрагируемой в нем стороны образуют предметное содержание данной формы мысли. Здесь форма мысли соотносится с отражаемым предметом и тем, **что** в нем отражается... «что» не в смысле частного предмета и его стороны, а в обобщенном смысле — что в любом, во всяком предмете отражается в данной форме. Предметное содержание расчленено, в самой простой форме — двусторонне. Различие этих сторон имеет смысл только внутри данной формы мысли. За ее пределами оно исчезает (например, в предмете может быть отвлечено отношение; оно, в свою очередь, может стать предметом, в котором будет отвлекаться какое-либо свойство)» (с. 15).

¹² См. Ленин 1990.

¹³ См. Magee 2010 (Reflexion).

¹⁴ Ср.: «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля лишь воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира» (Энгельс 2017). Как раз на Энгельса, на его отдельные суждения в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» (см. там же) опирался Ленин, развивая свою теорию отражения. З., по свидетельству К. М. Кантора (в предисловии к изданной диссертации), называл «Диалектику природы» «бредом».

Мышление, утверждает З., добивается соответствия метода предмету тем, что «форма мысли» нужным образом расчленяет предмет на ту его сторону, которая отвлекается в абстракции, и ту, что в *данной форме мысли* остается вне мышления. Это не тождество, не параллелизм формы мышления предметному содержанию, это, если «сыграть» на выражении «расчленить», адекватность ее как «хирургического инструмента» производимой операции. Отмечу, что у Г. П. это соответствие метода предмету будет вскоре рассматриваться в деятельностном контексте — как соответствие решаемой задаче, поскольку само выделение предмета (в рамках оппозиции «предмет — объект») будет определяться задачей.

«С точки зрения предметного содержания в истории мышления (и в настоящее время) наблюдается два этапа (в настоящее время — две задачи):

1) практическое мышление. Здесь человек отвлекает в предметах их функции в его [человека] жизни как их свойства (например, способность животных служить пищей для человека);

2) теоретическое мышление. Здесь человек выявляет свойства предметов, не зависящие от его вмешательства и потребности (например, раздражимость, обмен веществ и т. п.). *Та форма мышления, которую нам предстоит рассмотреть, есть форма теоретического мышления.* Характеристика всего богатства форм теоретического мышления со стороны их предметного содержания дает обобщенную картину мира и означает анализ категорий "связь", "закон", "качество", "количество", "движение" и т. д.» (с. 15–16).

Здесь очень важно инструментальное понимание категорий — см. выше приравнивание «форм мысли» к «приемам» и «способам». Это опять-таки предвестник развития в направлении методологии.

«Тип мыслимого содержания определяет собою и тип его связи, его структуру как субъективного явления. Логика, как правило, лишь эту субъективную связь именуют формой мысли и считают возможным изучать ее безотносительно к предметному содержанию. Именованная можно, конечно, но изучать таким образом — ошибочно. Дело все в том, что предметное содержание не есть нечто статичное, не есть просто свойства вещей. Анализ мысли со стороны предметного содержания есть анализ процесса соотношения мысли с предметом, глубже говоря — анализ зависимости мысли как субъективной связи от деятельности человека с предметами, анализ того, как одни связи (вещественная деятельность человека) обуславливают другие (умственную деятельность). С учетом сказанного, мы в дальнейшем будем термин "форма мысли" употреблять в смысле субъективной связи, структуры» (с. 16).

Итожу то, как мыслит мышление З.

Мы «отражаем» (= познаем) мир многими способами (восприятием и т. п., в том числе мышлением). В каждом способе отражения мы отвлекаем, абстрагируем какую-то сторону предмета. Мышление есть связывание абстракций в некоторое единство, систему. Осуществляется оно посредством приемов, или форм, мысли, которые соотносятся с предметом, с типом предмета; эта соотнесенность выражена в категориальном строении теоретического мышления, которое в свою очередь генетически определено практической деятельностью человека с предметами. Это, как я понимаю, и есть заявка на то, что Г. П. назовет «содержательно-генетической логикой», а З. продолжает по-марксистски именовать «диалектическим мышлением».

§ 2. Общая характеристика восхождения Абстрактное и конкретное

«Термины "абстрактное" и "конкретное" имеют массу значений. ... Во избежание путаницы мы под "абстрактным" и "конкретным" будем понимать исключительно мысленные образы предмета, обладающие следующими чертами: абстрактное есть понятие о предмете, полученное путем отвлечения в нем и исследования какой-либо специфической стороны, одностороннее определение предмета или *одностороннее понятие о предмете*; конкретное — понятие о предмете, полученное при исследовании предмета с различных сторон, — соединение абстрактных определений (понятий) предмета или *многостороннее понятие о предмете* ("многостороннее" в смысле исследования ряда сторон, в простейшей форме — двух). Например, изучение процесса производства капитала дает абстрактное понятие о капитале в целом; включение в сферу исследования процесса обращения капитала дает конкретное (сравнительно с первым) понятие о капитале.

И абстрактное, и конкретное, как бы последнее ни было богато абстрактными определениями, — оба являются отвлеченными от предмета его мысленными образами, и в этом смысле оба абстрактны. Они различаются между собою как мысленные образы одного и того же предмета, отражающие его друг относительно друга с различной полнотой или точностью. Различение это имеет силу только в их отношении друг к другу, т. е. лишь в определенных пределах.

Когда мы говорим об "одной стороне", то последнюю следует представлять не как что-то нерасчленимое, абсолютно простое, а относительно. Это следует из сказанного выше. Исследование процесса производства капитала, например, есть исследование "одной стороны", но последняя сама по себе — многосторонняя» (с. 16–17)

«Абстрактное не есть абстракция и определение в формально-логическом смысле [т. е. не элементарная абстракция], а конкретное не есть сумма таких абстракций и определений. Абстрактное — вся та совокупность знания, которая получается в результате одностороннего исследования предмета, конкретное — многостороннего. Они [т. е. и абстрактное, и конкретное, каждое из них] представляют собою целую систему формально-логических абстракций и определений, суждений и умозаключений» (с. 18).

Т. е. абстрактное знание есть системно организованная совокупность знаний (абстракций), полученных изучением предмета с одной какой-нибудь стороны; например: все, что мы можем узнать о человеке со стороны его физиологии.

«Не всякое одностороннее изучение предмета дает абстрактное понятие о нем. Мы можем, например, отвлечь в товарах потребительную стоимость и исследовать ее, но в итоге не получим никакого понятия о товарах как о товарах. Только отвлечение в товарах их специфического свойства — меновой стоимости — и изучение его может дать абстрактное (в указанном выше отношении) понятие о товарах» (с. 18).

Т. е., например, изучение человека как биологического организма не даст даже и абстрактного понятия о человеке, ибо оно не схватывает человеческой специфики.

«Точно так же не всякое многостороннее отражение предмета мышлением есть конкретное понятие о нем. ... Конкретное понятие предполагает, что различные стороны предмета после их отвлечения исследуются. ... Важно, как изучать стороны целого и как

соединять понятия о них. Конкретное понятие есть такое соединение абстрактных, при котором последние органически связаны друг с другом, *предполагают* друг друга. А такая их связь может иметь место лишь в том случае, если исследователь отвлекает стороны с целью раскрыть их внутреннюю связь в органическом целом, если исследователь раскрывает диалектику предмета» (с. 18–19).

Таким образом, целое, цель каким-то образом, в виде еще не вполне выясненного представления, с самого начала, с выделения первых абстракций, присутствует в исследовании и направляет его. Этим предполагается не однонаправленное, а челночное движение, что у Г. П., в его конструктивизированных представлениях метода восхождения получит эксплицитное выражение (см. Щедровицкий 1975).

«Сила абстракции»

«Выше сказано, что мышление есть процесс ряда абстракций. В политэкономии эта необходимость усиливается особенностью предмета: "При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции" [Маркс. Капитал. Т. 1. С. 3]» (с. 19).

«Однако принципиального различия между науками в этом отношении нет. В природе и обществе процессы нигде в изолированном виде не совершаются, а лишь в сложной естественной связи. Чтобы изучить их, надо их отвлечь посредством мышления, чтобы рассмотреть их в связи с другими, надо отвлекать самые связи» (с. 20).

Эксперимент — в таком понимании — тоже есть средство абстракции.

«При исследовании предмета посредством восхождения стороны предмета отвлекаются не просто для того, чтобы их зафиксировать в категориях. Эта задача предполагается, но не в ней дело. Стороны отвлекаются для того, чтобы их исследовать. Исследовать особым образом: сторона исследуется отвлеченно от другой (других) и, вместе с тем, исследуется *в том освещении, какое на нее бросает другая, в связи с другой*. Например, процесс производства капитала исследуется как таковой, отвлеченно от движения стоимости и прибавочной стоимости, но исследуется как процесс производства стоимости и прибавочной стоимости; это обстоятельство «предполагается» — оно определяет характер исследования процесса» (с. 20).

Т. е. отвлекая для изучения какую-либо сторону предмета, мы при этом имеем в виду его связи с другими сторонами. Например, изучая нейрофизиологию человека, мы смотрим на нее с точки зрения ее функции как материального носителя ментальных процессов.

Или, если привлечь схему мыследеятельности: мышление исследуется «в том освещении, которое на него бросают» мыследействие и мысль-коммуникация. Скажем, роль смыслов в мышлении видится в свете их роли в коммуникации.

Это нашло, в частности, отражение в представлении ММК о «месте» и «наполнении», и, соответственно, «свойстве-функции» и «атрибутивном свойстве». Элемент, «вынутый» из системы (из своего «места» в ней) для изучения, мыслится не только со своими атрибутивными свойствами (свойствами наполнения), но и со свойствами-функциями, определявшими его место в системе.

«Какие должны быть произведены абстракции, ... в какой последовательности, чтобы полнее и точнее отразить предмет, раскрыть его связи?» (с. 21).

«Абстрактное и конкретное различаются не только степенью полноты и точности отражения предмета. Они различаются как различные понятия, полученные при исследовании предмета с разных сторон. Причем, отражая одну сторону предмета, абстрактное является условием понимания другой; конкретное, отражая другую сторону, **в качестве условия ее понимания предполагает понимание первой и само, в свою очередь, представляет более точное понимание первой.** ... Иными словами: абстрактное не есть просто частичка конкретного, а конкретное — простая сумма абстрактных; они различаются также, не только как начальный и конечный пункты исследования; они представляют **полюсы определенной связи**; они отражают различные стороны предмета, но в силу этой зависимости одно относительно другого выступают как абстрактное и конкретное.

Изобразим схематично (*). Пусть исследуется предмет А. Он имеет ряд сторон: В и С. Они каким-то образом *уже отвлечены* и зафиксированы в категориях. Задача заключается в том, чтобы исследовать эти стороны. Обнаруживается, что понимание каждой зависит от другой, ибо стороны связаны. Надо при исследовании В отвлечься от С и, вместе с тем, изучить ее в связи с С. Рассмотрение В *отвлеченно от С* дает абстрактное понятие об А. Рассмотрение В *в связи с действием С* дает конкретное понятие об А. Это совершается как переход к рассмотрению С в ее особенности и в связи с В. Исследование С совпадает по результату с конкретным понятием об А» (с. 22).

(*) Ярким проявлением того развития в направлении конструктивизации служит то, что если у Ильенкова — изложение риторически плавное, можно сказать, применив выражение из древнерусской словесности, «плетение словес», то мысль З. структурирована четко и схематично¹⁵; в еще большей мере это свойственно Г. П. К тому же, в текстах Г. П. уже в это время появляются рисованные схемы — то, что потом разовьется в «методологическую живопись» и станет для ММК неременной составляющей коммуникации и трансляции.

В примечании к своему небольшому очерку о методе восхождения Г. П. пишет: «Методу восхождения посвящены многочисленные работы, но лишь немногие из них содержат серьезный анализ его логико-эпистемологической структуры. Первой такой работой в отечественной литературе была диссертация Э. В. Ильенкова [1953] (ее основные идеи получили затем развитие в книге «Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" К. Маркса»). На год позже закончил свое фундаментальное исследование А. А. Зиновьев... Непосредственным продолжением и развитием работы А. А. Зиновьева стало диссертационное исследование Б. А. Грушина, оформленное затем в книгу... Примерно через десятилетие интересный анализ метода восхождения провела и опубликовала группа французских исследователей¹⁶. Для нас самих исходными и определяющими были идеи А. А. Зиновьева»¹⁷.

Что касается работ Ильенкова, названной Г. П. (см. Ильенков 1997) и позднейшей «Диалектической логики» (см. Ильенков 1984), то они много дают для понимания того, как Маркс мыслил мышление (а также для понимания историко-философского генезиса этих его представлений), но ничего, подобного тому, что сделал З., в них нет — нет метода, который может быть *взят и применен* к иным

¹⁵ Характерна реакция художника и мистика Е. Л. Шифферса на диссертацию З.: «Взбесившийся компьютер» (сообщение О. И. Генисаретского).

¹⁶ Две книги французских неомарксистов Л. Альтюссера и др. «Читать "Капитал"» (*Lire le Capital*) посвящены не логике Маркса, а вопросам экономики и политики, и потому имеют мало отношения к рассматриваемым вопросам.

¹⁷ Щедровицкий 1975.

предметам и ситуациям, нежели у Маркса¹⁸. Г. П., несомненно, прочитал Ильенкова, но З. он, как я надеюсь показать в дальнейшем, *штудировал, применял и развивал*.

«В дальнейшем мы и рассмотрим различные типы связи абстракций, образующие в совокупности восхождение. Эти связи представляют собою формы мысли, качественно отличные от форм формальной логики. Отличны не в том смысле, что восхождение обходится без приемов формальной логики, — это было бы ошибочно, а в том смысле, что это именно *качественно новые типы связей, не сводимые в своей особенности к приемам формальной логики*» (с. 22).

Способ исследования и способ изложения

«Под "способом исследования", напомним, мы понимаем субъективные приемы, посредством которых раскрывается диалектика (в данном случае) предмета; под "способом изложения" — законы, регулирующие изложение знания о предмете в устной или письменной речи; наиболее отчетливо способ изложения выражается в последовательности изложения, в последовательности категорий, соответствующих различным сторонам предмета.

Восхождение прежде всего выступает как способ изложения. Что оно есть способ исследования, способ получения нового знания, это обнаруживается анализом. Но оно есть способ изложения лишь *постольку, поскольку* является способом исследования. ... Способ изложения есть проявление, показатель способа исследования, есть тот же способ исследования в "застывшем виде"» (с. 22).

Вопросы формы изложения в ММК неоднократно и с разных сторон становились предметом специального рассмотрения — в контексте коммуникации и трансляции. Г. П., по многочисленным свидетельствам (см. ММК в лицах 2006–2007), учил своих учеников излагать, браковал и подвергал жесткому разбору дурное, невнятное изложение. Его принцип был: излагать так, чтобы «нельзя было не понять» — при том, впрочем, что сам он умел понимать содержание даже из дурного изложения (если оно, конечно, там было).

Но тут важно, о чем идет речь: о различии данного частного процесса исследования и данного частного изложения знания о предмете (в данном произведении) — или же о различии *законов, регулирующих ход исследования и ход изложения, законов, которые проявляются на протяжении длительной, многопоколенной истории исследования данного предмета*.

¹⁸ Позднее (1970) Г. П. так характеризовал различие между «нами» (тогда еще в паре с З.) и «ильенковцами»: «Мы не были учениками Гегеля, мы были учениками Маркса. Сам Гегель рассматривался нами сквозь призму Маркса. А если Маркса наложить на Гегеля, то получается очень странная картина. Это вообще очень интересный вопрос, требующий специального рассмотрения. Если вы помните, прошлый раз я обратил ваше внимание на то, что несколько позднее, примерно в 60-м году, подобную работу проделали французские марксисты. Это обстоятельство дает мне возможность думать, что наше движение не было случайным, а скорее необходимым. Когда Гегеля рассматривают сквозь призму Маркса, получаются те принципы, которые мы сформулировали. Кстати, наше отличие от Ильенкова и заключалось в том, что мы на Гегеля смотрели сквозь Маркса, а он на Маркса — сквозь Гегеля. В результате он, вероятно, в большей степени доктринер по отношению к Марксу, чем мы. Все зависит от того, что используется в качестве фильтра. Если мы свободны по отношению к Марксу, то Ильенков — по отношению к Гегелю».

«Исследование *диалектики предмета* (*) — длительная история исследования, идет ли речь о развитии науки в ряде поколений или о работе отдельного исследователя. Как и во всякой живой истории, в истории исследования предмета законы процесса исследования прокладывают себе дорогу через массу случайностей, отклонений, перерывов, как скрытые тенденции. На ход исследования влияют самые различные обстоятельства, начиная от злобы дня и кончая личными "причудами" исследователя. Да и сама природа исследования оставляет простор случайностям, образующим внешнее разнообразие хода развития наук и видимость отсутствия общих законов. Так, никто не может запретить исследователю начать изучение развитых явлений раньше простых и исходных.

Но с чего бы тот или иной процесс исследования ни начался и как бы ни протекал, *внутренняя необходимость* его обнаруживает себя, — прежде всего в форме обнаружения *зависимости понимания одного явления от понимания другого*. Как бы извилист ни был путь добросовестного экономиста в изучении капитала, он рано или поздно (не этот, так другой) столкнется с необходимостью исследовать товар, чтобы понять капитал. Такого рода зависимости, имеющие более или менее общий характер и имеющие место в том или ином ответвлении или этапе исследования, и образуют *собственные законы процесса исследования*. Будучи осознаны и обобщены, они образуют *сознательный способ, прием исследования* (***)» (с. 23).

(*) Здесь мы имеем дело с двусмысленностью термина «диалектика» у З., которая вызвана, как можно предположить, не вполне завершенным у него процессом переосмысления гегелевской диалектики (переворачивания ее «с головы на ноги»). У Гегеля единственным, по существу, предметом является развивающееся мышление, так что для него не было вопроса о различении законов развивающейся реальности и законов познающего ее мышления, это — одни и те же законы, законы познающей себя духовной, мыслительной реальности. Для марксиста-гегельянца Ильенкова вопрос решался отождествлением этих законов (принципом тождества мышления и бытия). З. отказался от принципа тождества и, соответственно, различает «диалектику предмета» в смысле закономерностей, управляющих развитием органического (т. е. способного к развитию) предмета, и законы диалектического мышления о предмете, «законы процесса исследования», образующие **«сознательный способ, прием исследования»**. Речь, таким образом, идет уже не о тождестве/параллелизме, а о необходимости **соответствия** одних другим¹⁹.

Напоминаю, что «предметом» З. называет исследуемую объективную реальность, различение предмета и объекта появилось позже, уже в ММК.

(**) Проблематика «приема и способа» заняла центральное место с самого начала работы ММК — и применительно к научным исследованиям, и применительно к решению задач детьми.

¹⁹ Г. П. в своих ретроспекциях многократно возвращался — как к значимой вехе становления методологии — к состоявшемуся весной 1954 года на философском факультете совещанию на тему «Естествознание и философия» и состоявшейся на нем дискуссии о «Тезисах» «гносеологов» Э. В. Ильенкова и В. И. Коровикова. При том, что против догматиков-диалектиков молодые философы выступали вместе, между ними было и серьезное расхождение; как его ретроспективно формулировал Г. П.: «В этом пункте проходила грань между нашей точкой зрения и точкой зрения Ильенкова и Коровикова, формулировавших принцип, что логика является наукой о познании, а не о мире. Мы говорили, что логика есть наука о познании и тем самым о мире как таковом» (Щедровицкий 1965).

«Процесс исследования резюмируется в форме процесса изложения. Отличается ли чем-нибудь данный процесс изложения от процесса исследования, как он протекал в данном частном случае? Конечно. Ряд случайностей, зигзагов, отступлений и т. п., неизбежных в ходе исследования, в изложении исчезает. Исследователь, например, может отложить какой-либо вопрос и взяться за другой, затем — вернуться к первому. В изложении это не фиксируется: оно в "сокращенной" форме фиксирует исследование.

Но вследствие этого изложение не превращается в способ исследования "в чистом виде". И в изложении, как протекающем во времени и в данных условиях процессе, регулирующие его законы проявляются в модифицированной и разнообразной форме. Так, никакими декретами нельзя регламентировать количество суждений и умозаключений, характер иллюстраций и примеров, порядок следования ряда частных, степень детализации ряда разделов и т. д. В каждом данном изложении, если учесть, что его производит конкретно-исторический человек, имеется масса индивидуальных черт. Так что можно говорить о различии данного процесса исследования и данного изложения как его результата. Можно ли говорить о различии способов, т. е. основных законов того и другого? Ни в коем случае. *Те же самые законы, которые в истории исследования пробиваются как тенденции хода исследования, в процессе изложения выступают как (скрытые или осознанные) принципы его. ...*

Различие исследования и изложения вообще очень относительно. Исследование есть всегда изложение: исследователь совершает свое понимание предмета в суждениях, определениях, умозаключениях и т. п., связывая их определенным образом; процесс изложения, в свою очередь, есть тот же процесс исследования, его продолжение, раз в ходе его вырабатывается четкость категорий, систематизируется материал, появляются новые мысли о предмете. Изложение не есть просто переписка и механическая комбинация знаний. Это единый (один и тот же) процесс исследования предмета мышлением, необходимую "сторону", условие которого образует постоянное фиксирование его в субъективных формах, т. е. изложение. *Изложение есть форма проявления исследования»* (с. 23–24).

В этой связи замечу, что от живых свидетелей «малой истории»²⁰ знаю (и текстами Г. П. это подтверждается), что одним из требований к методологическому тексту было требование сохранять в изложении «леса», т. е. основные вехи породившего текст мыслительного процесса, указания на использованные средства, приемы и способы.

Далее З. разбирает типичную ошибку: когда диалектику, восхождение от абстрактного к конкретному рассматривают как способ изложения, а исследование, как при этом считают, движется от конкретного к абстрактному. Причина ошибки — в смешении чувственного с конкретным: эмпирическое познание действительно начинается с конкретно-чувственного, но в мышлении (диалектическом) мы начинаем с абстракции и восходим к конкретному, т. е. многостороннему, понятию предмета.

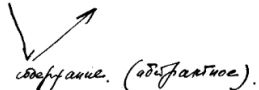
«Конкретное понятие как сочетание ряда абстракций есть не исходный пункт, а результат. Ошибка в понимании восхождения в данном пункте основывается на смешении конкретного предмета (он действительно исходный пункт, предпосылка и постоянно находящийся перед исследователем предмет) и конкретного понятия о предмете; во-вторых, это очень важно, основывается на смешении чувственного и конкретного» (с. 25–26).

²⁰ Конкретно — от А. А. Пископеля.

З. начинает описание метода восхождения с абстрактного. Но можно включить в это описание и предшествующий этап — анализ чувственно-конкретного (эмпирически данного), что и было позднее сделано; этот этап был назван «нисхождением» (Г. П. в лекции 1988 г. высказывает предположение, что первым это сделал он)²¹. В ММК, в рамках системно-деятельностной методологии, стали использовать термины «сведение» и «выведение» (или «дедукция»), последний как синоним «восхождения». В этой связи можно привести одно из пояснений Г. П. к диплому З., сопровождаемое схемой:

абстрактное и конкретное.

Т. е. Саша представляет процесс так:

В дальнейшем мне придется не один раз обращаться к заметкам Г. П. Есть, видимо, смысл дать о них представление в отдельном экскурсе.

Как выше уже было сказано, в архиве сохранилось две подборки заметок Г. П., современных работе З. над диссертацией и их тесному общению²².

Одна из них, по всей видимости, более ранняя (Щедровицкий 1953б) — это 50 рукописных страниц разного рода выписок и заметок, объединенных общей темой — диалектика, диалектическое мышление.

Из них первые 15 стр. содержат конспект или реферат по Гегелю — «Лекциям по истории философии» и «Науке логики». Возможно, что это не конспект для себя, а черновик текста для внешнего применения. Об этом говорят «официозные» ссылки (на «Краткий курс ВКП(б)») и явные поиски удачных формулировок — например, трижды повторен зачин: «Историзм Гегеля дал ему также исходную точку для систематического развития нового логического метода: диалектики».

На с. 16–18 — комментированный конспект энциклопедической статьи «Метод» (Арутюнянц 1930). Здесь важен как сам выбор статьи, так и то, что выделяет и комментирует Г. П. — тему «приемов и способов»: «Если рассматривать метод только как отправной пункт исследования, оставляя в стороне те приемы и способы, какими ведется исследование, то это — убудочная, кастрированная точка зрения».

Следующие семь страниц посвящены диплому З. (мне недоступному). З. писал диплом на ту же тему, что и диссертацию, и из заметок Г. П. можно подметить некоторые изменения в его подходе. Так, в дипломе излагалась история

²¹ «Маркс [в отличие от экономистов, его предшественников] находит другое — нет, даже не другое решение — он находит другой ход, который выступает как альтернатива для простой редукции в феноменально-эмпирической плоскости. И это ход очень интересный. Он связан с введением идеи нисхождения и восхождения: нисхождения от эмпирически-наглядного к глубинно-абстрактному и обратного восхождения от абстрактного к наглядному, или к абстракции, фиксирующей наглядность. При этом про восхождение мы говорим, про нисхождение — очень редко. Я даже полагаю, что введение понятия нисхождения есть мое изобретение, больше никем не принятое. Хотя сейчас я считаю и на этом настаиваю, что самое главное — это процедура нисхождения, а восхождение — это уже феноменально-эмпирическое проявление этого процесса.

И основное открытие Маркса, с моей точки зрения, состояло в том, что он должен был сообразить, что редукцию поверхностного осуществлять бессмысленно, а надо от него уйти к чему-то такому, что феноменально-эмпирически вообще невозможно» (Щедровицкий 1988/1997).

²² См. Щедровицкий 1980–1981/2001. З. какое-то время даже жил у Г. П.

представлений экономистов о стоимости, в диссертации же остался лишь раздел о Рикардо — З. сосредоточился на вопросах логики. Помимо замечаний редакционного характера: «Усилить вывод», «Развить, а то не совсем понятно», **«Надо не так писать, чтобы было понятно, а так, чтобы нельзя было не понять»**, есть и содержательное обсуждение. Г. П. «придирается», требует уточнения, более тщательной разработки, прослеживания генезиса понятий: «Что такое логический процесс?»

«Вопрос: совпадает ли форма выражения результата с формой движения познающей мысли? Не всегда, часто не совпадает».

К утверждению З. «Движение понятия есть единственный способ, форма его выражения»: «Это не совсем так. Движение понятия — главная, основная форма его выражения, но есть еще статичные формы выражения: абстракция, определение и др.».

Интересно (и заслуживает специального исследования) привлечение в обсуждение диалектики внимания к Бэкону (и Ильенков, и Зиновьев уделяют Бэкону сравнительно мало внимания):

«Требуется развить индукцию и дедукцию заново.

[отчеркнуто слева]

Очень здорово и поучительно сравнить индуктивные методы Бэкона — а их надо проанализировать — с умозаключением «форма — сущность»

а) от меновой стоимости к стоимости

б) от стоимости к труду и общественному отношению».

Индуктивный метод Бэкона, как отмечал Г. П. в близкой по времени статье, был «выходом за границы» принципа тождества бытия и мышления (параллелизма): «Есть единственный пункт, в котором традиционная логика частично вышла за границы принципа параллелизма: это "методы индуктивного исследования" Бэкона–Милля. Но этот факт нисколько не противоречит выдвинутому нами положению. Разработка этой части логики связана не с Аристотелевой классической силлогистикой и ее дальнейшим развитием в математической логике, а с так называемыми "методологическими" направлениями, развивавшимися в противоположность учению Аристотеля, а вместе с тем и в противоположность принципу параллелизма» (Щедровицкий и др. 1960).

Второй текст, озаглавленный «Замечания к диссертации А. Зиновьева. Май 1954 года» (Щедровицкий 1954б), — это 37 страниц рукописных заметок. Наиболее бросающейся в глаза их чертой является то, что их подробность и содержательность возрастает по мере продвижения по тексту З. В начале это очень краткие пометы, которые затруднительно соотнести с текстом З., но в основном, видимо, относящиеся к первой главе диссертации. Несколько подробнее и адреснее замечания ко второй главе. Зато третья глава подробно законспектирована, местами переписана дословно, с обстоятельными комментариями. Я вижу два объяснения такому соотношению: во-первых, то, что Г. П. к этому времени был уже основательно начитан в Марксе и Гегеле и знаком со взглядами З. из бесед и диплома, так что содержание первой главы было для него тривиальным, во-вторых, его преобладающим интересом к операциональной стороне, к собственно методу восхождения и составляющим его операциям, которые можно отделить от экономической проблематики и использовать в других областях.

К этим «Замечаниям» я буду в дальнейшем обращаться в связи с теми местами диссертации З., к которым они относятся.

«В процессе восхождения (как в исследовании, так и в изложении) исследователь должен не только восходить от одностороннего к многостороннему, от простого к развитому, от скрытого к проявляющемуся, но, чтобы восходить, должен постоянно углубляться от являющегося к скрытому, от развитого идти к простому, и т. д. Достаточно открыть "Капитал", как мы увидим: он начинается с движения от менового отношения к скрытому в нем отношению в процессе труда. Но процесс в целом есть восхождение: этот термин наиболее точно выражает специфическую задачу диалектики — изучение предмета в его многообразии путем раскрытия его возникновения, возникновения его различных явлений, внутренних законов и их внешних проявлений, развития и т. д. Восхождение, выражая господствующую тенденцию диалектического мышления, характеризует последнее в его субъективной форме **специфически** (выделено З.)» (с. 26).

§ 3. Иллюстрации из истории науки

Логика дальнейшего движения З. такова. Сначала он рассматривает (1) неудачу, которую потерпел ближайший предшественник Маркса, Д. Рикардо в разработке и применении трудовой теории стоимости, доказывая, что ему помешал его метафизический подход, невладение диалектикой, методом восхождения и (2) ошибки Гегеля в применении этого метода, которые он связывает с идеализмом Гегеля. Тупик, в котором оказались предшественники Маркса в решении проблемы стоимости с позиций рассудочной метафизики и спекулятивной диалектики, это для З. стартовая площадка для изложения метода Маркса, позволившего ему решить эту проблему.

Об использовании З. термина «метафизический» в противопоставлении диалектике. У Гегеля такого противопоставления нет — и не могло быть. Его «спекулятивная логика содержит в себе предшествующую логику и метафизику, сохраняет те же самые формы мысли, законы и предметы, но вместе с тем развивает их дальше и преобразовывает их с помощью новых категорий» (Гегель 1974. § 9). Или, как это формулирует автор «Словаря Гегеля»: «Логика Гегеля — это и метафизика, и онтология одновременно. Логика говорит о том, что значит быть, и в то же время о высшем или наиболее совершенном существе» (Magee 2010. *Metaphysics*). Не удалось обнаружить его и у Маркса в «Капитале». По всей видимости, оно восходит к Ф. Энгельсу (в «Анти-Дюринге»), было подхвачено В. И. Лениным и стало общепринятым в советском марксизме.

И еще, предупреждая возможное сомнение. Кажется, принято считать, что трудовая теория стоимости и интерпретация ее Марксом устарели. Не будучи сведущим в экономической науке, воздержусь от суждения об этом. Но мне важно другое: логика Маркса и зиновьевское осмысление этой логики сохраняют значение **независимо** от справедливости и тем более современной актуальности экономических выводов, к которым с помощью этой логики пришел Маркс. Что-то было не учтено, что-то с тех пор необратимо изменилось... — экономическую концепцию, предположим, нужно корректировать. А логику? Наверное, и логику (что и делал Г. П.), но по другим основаниям.

Неудовлетворительность метода Рикардо

Итак, «раскрытие диалектики всякого предмета необходимым образом связано с рождением приемов, которых нет и быть не может у метафизика, раз он отрицает и, значит, не раскрывает диалектики предмета» (с. 27).

3. разбирает историю исследования понятия «стоимость».

Ближайшим образом стоимость дана эмпирическому наблюдению как меновая стоимость, «сила приобретать другие блага». Рикардо додумался до того, что источником «силы приобретать другие блага» является труд, затрата труда. «То есть Рикардо в меновой стоимости обнаружил стоимость ("абсолютную стоимость" в отличие от "относительной"). Как теперь в мысли выступает особое явление — товар? Затрата труда есть свойство продуктов труда всех эпох [т. е. и тех, когда не было товарного производства], а не особенное свойство товара. Хотя исследовалось особое явление [товар], отличие которого заметно наглядно, [хотя оно] служило исходным пунктом, однако в мышлении о нем особенность его исчезла и осталось общее. <...> Такой результат есть следствие того, что, исследуя особое явление [товар], Рикардо не исследовал особенностей образующего его источника [труда], — не исследовал того, почему труд становится источником стоимости, особенностей создающего стоимость труда [т. е. того, какой род труда и за счет каких особенностей создает стоимость]. В конечном итоге — неисторический подход к товару. <...> Исторический подход означает особую зависимость в самом процессе понимания: надо рассмотреть труд, поскольку он создает стоимость, т. е. в зависимости от обмена [т. е. проследить, как исторически ситуация складывающегося товарообмена изменяла его природу]. Отрицание ее равно отрицанию диалектики, и никакие разговоры о том, что исследуемое явление возникло исторически, дела не меняют» (с. 28–29).

Заметка для себя: так же нужно исследовать историю мысли — рассматривать ранние формы понятий в зависимости от позднейших, как зародыши позднейших — прослеживая исторические связи.

Но как труд, труд вообще воплощается в стоимость? С точки зрения формальной логики, «труд вообще» есть абстракция, обобщающая разные эмпирические виды труда. Однако «в теле товара не обнаружишь ничего, что соответствовало бы категории "стоимость"; полезный труд производит в предмете видимые изменения, но труд вообще не образует никакого осязаемого свойства товарного тела» (с. 29)²³. Тупик.

В экономической науке ответом на тупиковую ситуацию стали теории стоимости, альтернативные трудовой. Их далее разбирает Маркс (и, вслед за ним, Ильенков²⁴). Но 3. это не интересует²⁵, его интересует метод Маркса, и достаточно рассмотреть альтернативные ходы мысли в рамках трудовой теории.

«Проблему стоимости, как она встала до Маркса, можно еще сформулировать так: стоимость не существует вне обмена, не обмениваемый продукт не есть товар

²³ Здесь и дальше 3. ссылается на «Теории прибавочной стоимости» Маркса (Маркс-Энгельс. Т. 26 (1) С. 110).

²⁴ Ильенков 1997.

²⁵ Он уделил этим концепциям внимание в своем дипломе (см. Щедровицкий 1953 и экскурс выше), но отказался от их рассмотрения в диссертации.

и стоимости не имеет, с другой стороны, стоимость как кристаллизация затраты труда или труда вообще *существует в товаре до обмена*, в обмене товар лишь реализует свою стоимость. Подобные антиномии — обычное явление в науке. Они свидетельствуют о развитии науки, а не о нарушении законов формальной логики. Применение же закона исключенного третьего в данном случае будет означать путаницу и устранение от проблемы» (с. 29).

В этом абзаце концентрированно выражено представление З. о диалектическом противоречии — иное, чем у Ильенкова (ср. очерк последнего о противоречии в «Диалектической логике» — Ильенков 1984). Товар обретает стоимость в возможности обмена и предвидении этой возможности, сказывающейся на условиях его производства, можно сказать, в его движении к ситуации обмена (подобно стреле Зенона, перемещающейся в следующую точку «пребывания»). «Противоречие» (в логическом смысле контрадикции) — не в стреле и не в товаре, а в применении к ним «метафизического» (= статического, не знающего движения и развития).

Способ объяснения связей (причинных зависимостей между явлениями) З. рассматривает на примере объяснения причины падения нормы прибыли (далее: НП). Рикардо, предлагая такое объяснение, исходил из эмпирически установленного факта, что НП падает с ростом земельной ренты.

Традиционная логика предлагает для объяснения причинных связей «индуктивный метод», предполагающий, «что явления, причинную связь которых надо установить, известны независимо от этой задачи; цель умозаключения состоит в том, чтобы выявить, что именно такое-то есть причина другого (изменение или появление одного — причина изменения или появления другого). Способ же решения задачи заключается в сравнении различных случаев и в отвлечении от массы обстоятельств в сложном сцеплении связей» (с. 30).

По Рикардо, НП падает из-за (а) увеличения части рабочего дня, идущей на зарплату, которое (б) обусловлено повышением стоимости жизнеобеспечивающих сельскохозяйственных продуктов, причиной которого, в свою очередь, (в) является рост земельной ренты, вызванной (г) падением производительности земли.

«Умозаключения на каждом этапе при условии отвлечения от соответствующих обстоятельств [таких как органическое строение капитала и длительность рабочего дня] или при условии предположения их постоянными правильны. Вывод, однако, ложный. В чем дело?

1) Само это рассуждение возможно лишь постольку, поскольку факт связи падения нормы прибыли с ростом ренты *замечен без него*. Все рассуждение строится с целью обосновать его, *определяется наперед заданной задачей, а не объективной связью явлений*» (с. 31).

НВ: главная задача мышления — **не обоснование** того, что представляется установленным, а **исследование, открытие нового**.

«2) Отсюда — искусственно произведенные абстракции. Рассуждающий *закрывает глаза на обстоятельства, исключающие возможность строить рассуждение*. Так, стоит принять во внимание изменение рабочего дня, как все рассуждение становится невозможным. Тем более, стоит принять во внимание изменение органического строения капитала, как выступает изменение нормы прибыли, совершенно не зависящее от изменения ренты».

Увы, здесь мысль 3. непонятна: рост ренты влечет за собой рост органического строения капитала, поскольку рента входит в состав постоянного капитала.

«Рассуждение логично лишь постольку, поскольку на каждом этапе абстрагируется односторонняя зависимость. Оно справедливо в целом только в таком смысле: при всех прочих постоянных обстоятельствах изменение одного явления ведет к изменению другого, и больше ничего.

<...> [Всякому исследователю] постоянно приходится отвлекаться от различных обстоятельств. Как выяснить, *от чего можно отвлечься и от чего нельзя, в какой последовательности производить отвлечения, чтобы обеспечить возможность безошибочных необходимых выводов?* Имеются ли здесь общие правила или нет? <...> Здесь вполне можно построить правильные умозаключения при условии соответствующих абстракций. Можно возразить: умозаключения в целом, ибо условия, предположенные постоянными, изменяются. Однако Маркс рассматривает влияние изменения органического строения капитала на норму прибыли и предполагает все прочие условия постоянными. Что же, вывод ложен, ибо эти условия изменчивы? Вздор, вывод Маркса математически точен. *Точность вывода зависит от того, какие связи отвлечены, в какой последовательности, с какой целью в общем исследовании.* Либо общих правил в этом отношении нет, и тогда разговоры о развитии, противоречиях и т. п. остаются пустой фразой. Либо они есть и должны быть изучены» (с. 31–32).

Итак, что взамен чего предлагается? Есть логика обоснования гипотезы. Предполагаем, что из А следует Б, остальные факторы полагаем постоянными, проверяем. Здесь же речь идет о логике самого выдвижения гипотез, последовательности абстракций и т. д. Вместо отдельного шага рассматривается последовательность шагов, ее логика. Обещаны общие правила такого мыслительного движения, обеспечивающие решение проблемы.

«Наиболее четко неудовлетворительность метода Рикардо обнаруживается в способе перехода от одних категорий к другим. Рикардо "исходит из определения величины стоимостей товаров рабочим временем и затем исследует, не противоречат ли остальные экономические отношения, категории этому определению стоимости, или насколько они эти последние модифицируют". Этот метод имеет "историческое оправдание" у Рикардо: он стремится доказать, что закон стоимости действует в буржуазном обществе, несмотря на кажущиеся ему противоречия. Но он [метод Рикардо] "отличается научной недостаточностью, которая проявляется не только в способе изложения (формально), но и приводит к ошибочным результатам, потому что этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение экономических категорий между собою". Доказывая соответствие эмпирических фактов закону, Рикардо осуществляет ряд абстракций, представляющих зародыш восхождения. Но он тут же убивает его самым переходом, игнорируя произведенные абстракции» (с. 32–33, цит. Маркс. Теория прибавочной стоимости. Т. 2. Ч. 1. С. 7–8).

Рикардо нужно доказать, что понижение нормы прибыли (эмпирический факт) не противоречит тому, что стоимость определяется рабочим временем (закон). Столкнувшись же с тем, что эмпирия не соответствует закону, Рикардо вынужден выкручиваться, в том числе и допуская отдельные отступления от закона, влияние на стоимость других факторов, чем затраты труда.

«Понимание закона есть один из важнейших критериев оценки способа мышления. Что может сказать формальная логика по этому поводу? Закон есть общее, и какие бы приставки дальше ни следовали ("существенное" и т. п.), *формальная логика берет закон в качестве большой посылки силлогизма, подводя под него частные случаи*. Эти представления в науках пришли в конфликт с фактами кажущегося противоречия законов и эмпирии (*). Два пути возможны, чтобы выйти из затруднения. Первый путь — "путем болтовни, путем схоластических нелепых определений и различий", путем произвольных абстракций "непосредственно согласовать противоречащие явления с общим законом" (цит. Маркс. Теория прибавочной стоимости. Т. 3. С. 19) или путем отрицания самого закона. ... Рикардо, как мы показали, не замечает проблемы и устраняется от нее путем произвольных абстракций. ... Этот способ гораздо больше разрушил теорию Рикардо, чем все нападки врагов. Второй путь — *путь прослеживания того, как закон проявляется в той или иной связи и в связи с возникновением новых условий. Это прослеживание — процесс мышления*» (с. 34–35).

(*) Эту ситуацию в науке делал предметом специального исследования Г. П. (впервые уже в своем дипломе) — в частности, на примере создания новой механики Галилеем и Ньютоном. (См. Щедровицкий 1953а, Щедровицкий 1954а.) В заметках 1953 г. к диссертации З. он «дает себе задание»: «NB Разобрать подробно это рассуждение Галилея о падении тел» (Щедровицкий 1953б).

Ошибка Гегеля в трактовке восхождения

«Обратив внимание на тот факт, что конкретное понятие о предмете есть продукт мышления, Гегель впал в иллюзию, будто восхождение есть процесс образования самого предмета, будто сам предмет есть продукт самодвижения мысли.

В действительности в ходе восхождения создается не сам предмет, а лишь конкретное понятие о нем. Предмет существует независимо от познающей его головы. Восхождение есть процесс его **отражения**.

Не следует при этом упускать из виду то, что восхождение есть лишь **способ** отражения предмета» (выделено З., с. 39–40).

Похоже, в 1954-м не только З., но и Г. П. не различал предмет и объект, т. к. он никак не отреагировал на их смешение у З. в своих «Замечаниях» 1954 г. (слово «объект» в «Замечаниях» отсутствует). После того как появилось это различие, Г. П. некоторое время оставался на натуралистической позиции: объект для него был чем-то данным, а предмет — его «стороной», продуктом объективации одностороннего знания об объекте²⁶. Это различие, однако, было шагом на пути последовательного движения от натурализма к деятельностному подходу, когда «объект» стал мыслиться как одна из организованностей деятельности. Можно, наверное, сказать, что поздний Г. П. в этом отношении ближе к Гегелю, чем ранний Зиновьев...

²⁶ «Объект существует независимо от знания, он существовал и до его появления. Предмет знания, напротив, формируется самим знанием. Начиная изучать или просто "включая" в деятельность какой-либо объект, мы берем его с одной или нескольких сторон. Эти выделенные стороны становятся "заместителем" или "представителем" всего многостороннего объекта; они фиксируются в знаковой форме знания. Поскольку это — знание об объективно существующем, оно всегда объективируется нами и как таковое образует "предмет"» (Щедровицкий 1964а).

«Если оставить в стороне ту крайнюю мистификацию, будто в результате восхождения возникает сам предмет, в концепции Гегеля остается еще следующее: отрицая независимое от мышления существование предметов, идеализм с необходимостью означает отождествление свойств предмета (того, **что** в предмете отражает человек) и специфических свойств процесса отражения (того, **как** осуществляется процесс отражения). В этом — основная ошибка Гегеля в трактовке форм мышления вообще, восхождения — в частности. Дело нисколько не изменяется от того, что мы "перевернем" Гегеля не по-марксовски, а таким образом: представим процессы мышления как отражение предметов, но оставим идеалистический тезис о тождестве "бытия" и процессов мышления. Или, выражая эту концепцию современным языком, — если мы изобразим свойства самого хода отражения как отражение свойств предметов» (с. 40).

Здесь — четкая формулировка позиции, которая отличала З. и от Гегеля, и от Ильенкова, но которую развил и положил в основание методологии Г. П.: **отказ от принципа тождества мышления и бытия**. Ниже З. формулирует конкретные следствия из этого отказа для понимания мышления.

У Гегеля этот принцип составлял существо его «идеализма». В «Словаре Гегеля» об этом сказано так: «Гегель понимает свою Логику как учение о категориях, которые одновременно и субъективны, и объективны, т. е. Логика есть как система мыслей или понятий, так и повествование о бытии вещей. Это значит, что для Гегеля существует тождество мышления и бытия, что структура реальности тождественна структуре мысли» (Magee 2010. Idealism).

Ильенков: «Логика обязана показать, как развивается мышление, если оно научно, если оно отражает, т. е. воспроизводит в понятиях вне и независимо от сознания и воли существующий предмет, иными словами создает его духовную репродукцию, реконструирует его саморазвитие, воссоздает его в логике движения понятий, чтобы воссоздать потом и на деле — в эксперименте, в практике» (Ильенков 1984).

«Логика, ставшая диалектикой, является не только наукой «о мышлении», но и наукой о развитии всех вещей, как материальных, так и "духовных". Понимаемая таким образом Логика и может быть истинной наукой о мышлении, материалистической наукой об отражении движения мира в движении понятий. Иначе она неизбежно превращается из науки о мышлении в чисто техническую дисциплину, в описание «операторики» действий с терминами языка, как и случилось с логикой в руках неопозитивистов» (там же).

И, прямо присоединяясь к Гегелю: «Гегель хочет сделать субъективное сознание мышления о себе самом *тождественным* его предмету — действительным всеобщим и необходимым (объективным) формам и законам всеобщего (а не индивидуального) мышления. Это и значит, что в логике должен быть проведен как высший принцип — принцип *тождества субъективного и объективного*, т. е. что подлинные формы и законы мышления должны быть изображены в логике точно, адекватно и правильно. Ничего большего принцип тождества субъекта и объекта не означает, никакого "гипостазирования" форм субъективной мысли. Ибо и объектом, и субъектом в логике является *одно и то же мышление*, и речь идет о согласии, совпадении, тождестве этого мышления (как сознательно совершаемой деятельности) самому же себе как бессознательно осуществляемой продуктивной деятельности или как деятельности, протекавшей до сих пор с ложным сознанием своих собственных действий» (там же).

«У Гегеля отождествление движения мысли с предметом имеет двоякий смысл.

1. Гегель обнаружил диалектику в некоторых простейших процессах мышления — например, в суждении, силлогизме. Но он не смог сделать ее обобщения до конца и зачастую именно конкретную диалектику некоторых процессов движения мысли навязывает вещам, как всеобщую, не отвлекаясь от частной формы действия диалектических законов в процессе мышления. И это вполне последовательно с точки зрения тождества "бытия" и процесса мышления. Отсюда всякий процесс движения мысли, раз понята его диалектика, выступает как отражение предмета (или *диалектика предмета выступает как проявление диалектики мысли*). Отсюда всякое мышление выступает как восхождение» (с. 40).

Тут отмечаю (1) полемику не столько с Гегелем, сколько с неназванными Ильенковым и Энгельсом, видевшим диалектику в самих вещах, и (2) утверждение специфичности диалектического мышления, отнюдь не единственно возможного.

«2. Там, где Гегель говорит о действительном восхождении, оно выступает тождественным (по последовательности) процессу формирования предмета. В результате вместо исследования приемов диалектического мышления Гегель главной задачей делает определение основных категорий диалектики ("сущность", "явление", "бытие" и т. п.) и исследование диалектики простейших форм мышления (суждений и умозаключений) в той мере, в какой эти формы были выявлены до него» (с. 40).

Здесь важно то, что категории рассматриваются Гегелем спекулятивно, созерцательно, а не как инструменты мышления. См. Magee 2010. Concept, Doctrine of the.

«Рассмотрим, к чему ведет первое отождествление. В качестве примера возьмем объяснение Гегелем стоимости и денег. Гегель начинает с "единичных потребляемых вещей". Последние определены качественно и количественно и удовлетворяют какую-либо потребность человека (единичное). Специфическая полезность вещи качественно сравнима с другими вещами того же рода полезности (особенное). Полезности данного рода могут быть сравнимы с полезностями другого рода, — вещь выступает как полезность вообще. Эта всеобщность вещи и есть ее "ценность". Дело сделано: возникновение стоимости "объяснено" с удивительной легкостью. И этот ход мысли, согласно принципу тождества бытия и процесса мышления, *есть* процесс возникновения стоимости. Что изменится от того, если мы скажем, что здесь *отражен* процесс возникновения стоимости?

Что мы на самом деле имеем у Гегеля? Описание *одной стороны* процесса образования абстракции "полезность", которую Гегель называет "ценностью" или "стоимостью". И ничего больше. Отвлечение от количественных различий имеет место при образовании абстракции данного рода потребности и полезности. Отвлечение от качественных различий имеет место при образовании абстракции потребности и полезности вообще. Но *это ни в коем случае не есть отражение процесса образования не только стоимости, но даже и полезности*. Достаточно сравнить это рассуждение Гегеля с тем, как Маркс раскрыл историческое движение, приведшее к превращению продукта труда в товары, как станет ощутимой разница между процессом *абстрагирования наглядного факта и раскрытием процесса возникновения этого факта*» (с. 41).

На всякий случай сравним, как это у Гегеля:

«Потребляемая вещь единична в потреблении, определена по качеству и количеству и находится в соотношении со специфической потребностью. Но ее специфическая годность, как определенная количественно, сравнима с другими вещами той же годности, равно как и специфическая потребность, удовлетворением которой она служит, есть вместе с тем потребностью вообще и в качестве таковой может быть сравнена по своей особенности с другими потребностями; соответственно этому также и вещь становится сравнимой с другими вещами, которые удовлетворяют другим потребностям. Эта ее всеобщность, простая определенность которой проистекает из частного характера вещи, но так, что вместе с тем абстрагируются от ее специфического качества, есть ценность вещи, в которой ее истинная субстанциальность определена и есть предмет сознания» (Философия права. С. 87–88). Термин «годность» (нем. *Brauchbarkeit*) З. заменил на «полезность», а «ценность» (нем. *Wert*) на «стоимость» — в обоих случаях в соответствии с традицией перевода этих терминов у Маркса.

«Стоимость — реальный факт. Хотя и в поверхностной форме меновой стоимости и денег, она уже отражена в головах людей и зафиксирована в абстракции задолго до Гегеля. И лишь постольку Гегель может ее "вывести". А "выводит" он ее так: дает одностороннее описание образования абстракции "полезность" и это абстрактно-общее от единичных и особых полезностей, т. е. полезность вообще, объясняет [видимо, опечатка, нужно: объявляет] стоимостью. Абстракция, а не реальные исторические отношения людей, [по Гегелю] образует стоимость!

Еще проще [у Гегеля] обстоит с деньгами. Специфическую сторону "ценности" (единичное и особое) образует та или иная полезность вещи, а абстрактная сторона ("полезность вообще") есть деньги. Выделив в вещах общее ("ценность"), Гегель превращает абстракцию в нечто самостоятельное и тут же *смешивает ее с эмпирической действительностью, принимая последнюю за воплощение абстракции*. "Ценность" есть деньги. Деньги, как тело (золото) — телесное воплощение идеи "ценности"» (с. 40–41).

То смешение, о котором говорит З., «зашито» в кардинальное для Гегеля представление о материальных вещах как воплощениях (или выражениях) идей²⁷: «Если мы желаем выразить не специфическую, а абстрактную сторону ценности, то это будут деньги. Деньги являются представителем всех вещей, но так как они не представляют собою самой потребности, а суть лишь знак последней, то они сами, в свою очередь, управляются специфической ценностью, которую они в своем качестве абстрактного лишь выражают» (Философия права. С. 88).

«Если сравнить ход мысли у Маркса от единичной формы стоимости к цене с аналогичным ходом у Гегеля, то станет совершенно очевидно, что кроме терминов "единичное", "особое", "всеобщее", "воплощение" и т. д. здесь нет ничего общего. Именно ничего. У Маркса прослеживается *развитие товарных отношений до возникновения денег*. У Гегеля процесс образования абстракции "ценность" выдается за возникновение самой "ценности", а возникновение денег изображается как воплощение абстракции в эмпирическом.

²⁷ «Согласно гегелевской философии, Логика в сущности раскрывает формальную структуру самой реальности, и таким образом, природа есть отражение или "воплощение" этой диалектической структуры» (Magee 2010. *Dialectic*). «Мир сам есть выражение идеи» (там же. *Idealism*).

Характерно, что стоимость у Гегеля понимается, с одной стороны, просто как абстрактно-общее от эмпирических полезных вещей, а с другой — грубо эмпирически, как деньги. При всем презрении к эмпиризму, гегельянство с необходимостью приходит к нему, поскольку исследуется не диалектика предмета, а лишь движение мысли об эмпирических явлениях.

Конечно, в этих различных процессах можно выявить сходное:

1. Процесс образования абстракций и процесс возникновения денег имеют общие черты — и те и другие являются продуктом противоречий, взаимодействия, развития, качественного "скачка". Но это различные процессы. Образовав абстракцию "деньги", человек еще ничуть не раскрыл возникновения денег.

2. Процессы мышления, имеющие место при раскрытии происхождения денег и при образовании абстракции "деньги", имеют общее — и тот и другой являются процессом, подчиняющимся законам диалектики. Но и это различные процессы: в одном отражается происхождение явления, в другом — в эмпирических фактах отвлекается общее» (с. 42).

3. так долго «топчется» на этом вопросе (и я привожу большую цитату), поскольку это очень важно для понимания переворота, сделанного Зиновьевым и развитого в дальнейшем Г. П. Подведем итог.

Здесь различаются три рода процессов:

(1) Объективные процессы развития товарных отношений, приведшие к возникновению денег.

(2) Процессы мышления, в ходе которых раскрываются ход и закономерности этих объективных процессов; пример такого диалектического мышления — работа Маркса в «Капитале».

(3) Процесс образования абстракции, продемонстрированный в рассуждении Гегеля, который, как показывает Зиновьев, будучи для Маркса учителем диалектики, здесь — из-за своего идеализма и обусловленной им приверженности к принципу тождества — оказывается эмпириком.

«Смешение специфической диалектики некоторых процессов мышления с диалектикой предметов, отражаемых в мысли, изображение первой в качестве второй не является только историческим заблуждением. Подобные взгляды имеют место в философской среде и в наше время, причем выдаются за самые что ни на есть марксистские. В особенности это относится к так называемой диалектике общего и отдельного в вещах.

Гегель обнаружил, что отражение вещей мыслью противоречиво (*); например, единичное отражается как общее. Отождествляя процесс мышления с предметом, Гегель это специфическое противоречие мысли представил как противоречие самих предметов. Это представление, правда в "перевернутом" виде (в вещах имеется противоречие общего и единичного, оно отражается в мысли), живет и здравствует по сей день» (с. 43).

(*) Здесь З. выразился неточно: Гегель не мог ничего утверждать про «отражение вещей мыслью», поскольку для него, напротив, «вещи» были отражением «мыслей». См. Magee 2010. Reflection. Строго говоря, заблуждение, о котором он пишет, возникает именно после «переворачивания», у «современных марксистов» (хотя, видимо, под влиянием Гегеля).

См. Magee 2010. Universal, particular and individual и там же Concrete universal: «Решением этой проблемы у Гегеля является его учение о конкретном всеобщем, которое есть просто-напросто всеобщее, "содержащее" в себе или охватывающее свои частные моменты. Для Гегеля всеобщее и особенное — это не абсолютно

раздельные сущности, нельзя также сказать, что всеобщее "заключено в" особенном. Скорее, особенное в некотором смысле "заключено во" всеобщем: всеобщее не имеет реального существования помимо своих конкретных моментов, которые суть продукты его само-дифференциации или спецификации».

«И в самом единичном нет никакого противоречия между им самим, включающим данную сторону (данное общее), и его же собственной стороной (данным общим). По самому смыслу понятия "противоречие": наличие *в предмете в одно и то же время и в одном отношении* взаимоисключающих и взаимно предполагающих сторон; противоречие возникает между различными сторонами единичного. Например, противоречие всякого товара образуют потребительная стоимость и стоимость, но не тот факт, что товар есть этот, единичный товар и товар вообще. Лишь в процессе отражения единичных предметов посредством абстракций единичное отражается как общее, и эти стороны мысленного образа предмета образуют противоречие; последнее есть *действительное движущее противоречие*, — оно проявляется в особом движении мысли: "единичное есть общее" (например, "это — товар")» (с. 43).

Вывод, к которому приходит З., есть частное следствие из отрицания им принципа тождества мышления и бытия. Для Гегеля противоречие — это то, что движет мышлением, а поскольку первично именно мышление (движение Духа), то это распространяется и на предметы, вещи как моменты разворачивающегося мышления; противоречие, логическое противоречие, есть у Гегеля и противоречие «в самом предмете». Иначе все выглядит при «постановке с головы на ноги», если мы различаем развитие предмета (предмет, напомню, у З. здесь не отличается от объекта) и развитие мысли о предмете. Противоречие есть в мысли о предмете и составляет движущую силу этой мысли; «противоречие» же в самом развивающемся предмете — это нечто иное, собственно, метафора, означающая смену («отрицание») одного его состояния другим.

«К каким последствиям ведет смешение диалектики простейших процессов мышления с диалектикой предметов, о которых совершается мышление?»

1. Действительная диалектика исследуемого предмета не исследуется или затушевывается. <...> Всякий предмет фактически берется лишь для иллюстрации трижды известных логических приемов.

2. Конкретная диалектика процессов мышления, будучи абсолютизирована, утрачивает свою конкретность и превращается в искусственную схему. Так, категории "общее", "особое" и "единичное" превращаются в крайне расплывчатые термины, которые при желании можно подвести под [любую] схему. <...> Предметы остаются непонятными в их специфике. <...> Быть "диалектиком" оказывается удивительно легким делом. Раскрыть диалектику атома? Извольте: всякий атом есть этот атом и атом вообще. При этом никакого смущения не вызывает то, что *это "противоречие" ничего в предметах не движет, что знание его ни на йоту не продвигает исследование вперед*. Удовлетворяет ли только такая «диалектика» ученых, желающих раскрыть диалектику исследуемых ими предметов?

3. Где же у Гегеля остается восхождение? Лишь в пределах самой схемы. Восхождение заключается лишь в *конструировании разумом раз навсегда данной схемы*» (с. 43–44).

Критика Зиновьева нацелена не столько на спекулятивное рассуждение Гегеля, сколько на тех, кто хотел бы выдать такой подход за логику, которая предназначена быть теорией и методологией научного мышления, исследующего

движение (развитие) предмета. Ср. выступление Г. П. на совещании по логике 1953–1954 гг.: «Представители указанной точки зрения нисколько не меняют метод исследования процессов мышления: они берут напрокат обычные понятия формальной логики, забывая о том, что эти понятия выработаны с помощью антиисторического, метафизического метода и в силу этого не отражают, не могут отражать развития, не могут отражать исторических особенностей в формах мышления. Данная точка зрения, по-видимому, не признает того, что диалектическое мышление осуществляется в особых формах, изучение которых и составляет предмет и задачу так называемой диалектической логики. Таким образом, признание особой диалектической логики остается пустой декларацией, а на деле сторонники этой точки зрения занимаются все той же формальной логикой. <...> Потребность в настоящей логике в наши дни не только сохраняется, но и значительно усилилась; однако наша логика пока ничего не может дать современной науке» (Щедровицкий 1954а).

«Посмотрим теперь, к каким неразрешимым проблемам приводит концепция "тождества" Гегеля в отношении восхождения. Мы уж не говорим о том, что здесь исследование сводится к возне с категориями и их порядком. Возьмем эту концепцию уже в "перевернутом" виде [«с головы на ноги», т. е. так что предметы рассматриваются не как «воплощение» мыслей, а как объект отражения]: восхождение тождественно (прямо совпадает [Г. П. потом скажет точнее: параллельно]) формированию предмета.

В противоположность метафизике, Гегель рассматривает категории, соответствующие различным сторонам предмета, как исторически возникшие и следующие друг за другом. Первое затруднение, на которое наталкивается отождествление хода мысли с ходом истории предмета, следующее: каким образом можно объяснить целое, в котором все его стороны существуют одновременно и опираются друг на друга?!» (с. 44).

Здесь З. ставит фундаментальную проблему: как можно мыслить возникновение, генезис целого? Это касается и единичного организма, и общества, и языка. Целое не может возникать по частям, надстраиванием каждой новой части над другими. (Ср. В. Гумбольдт: «Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно все, благодаря чему он становится единым целым» (Гумбольдт 2000. С. 308).

«Единственный выход — представить стороны предмета, как последовательные фазы его истории. Так восходя от владения к семье, и от последнего — к гражданскому обществу, Гегель изображает дело так, что у него владение развивается в семью, а последняя — в гражданское общество. Тогда как на самом деле владение есть одностороннее отношение целого, предполагающее и семью и гражданское общество» (с. 44).

Логика социогенеза у Гегеля — это логика того, что позднее (в ММК) было названо «псевдогенезом», т. е. логикой необходимости: совместное владение *требует* оформления в семье, сосуществование и взаимодействие семей *делает необходимым* гражданское общество. Порок логики тождества бытия и мышления — в том, что *логический* псевдогенез (вовсе не исключаящий одновременного существования связанных им форм) принимается за объяснение действительного исторического происхождения этих форм.

«Еще более нелепая конструкция получается в "Логике". Категории "качество" и "количество" — последовательные этапы мышления о предмете, значит (с точки зрения "тождества"), качество должно исторически фигурировать раньше количества» (с. 45).

Здесь, как и выше, критика З. направлена не против самого Гегеля, а против тех, кто пытается буквально следовать его логике «тождества» в контексте материалистически «перевернутой» картины отношений мышления и бытия. Для Гегеля отношения между ступенями саморазворачивающегося духа-мышления — это отношения логические («псевдогенез»), и его эта критика впрямую не задевает. Она относится к попыткам мыслить «переход количества в качество» как осуществляющийся что в истории, что в природе — во времени — всеобщий закон. См. Энгельс. 2017 (ст. «Диалектика»).

«Но может быть, дело обстоит так: в истории предмета стороны его выступили в той последовательности, как в голове человека, и, накапливаясь, как страница за страницей в книге, дали современное состояние предмета. Пусть так. Как быть в таком случае, если мы имеем уже сложившийся предмет и последовательность сторон по времени их появления еще надо раскрыть? Здесь имеют место зигзаги, отступления, процесс осложнен массой внешних обстоятельств, изменения остаются до известного времени скрытыми, новое первоначально появляется в чуждой ему форме, входящие в строение предмета явления могут иметь другие источники происхождения и т. д. Требуется работа ума, чтобы последовательность явлений раскрыть.

Если даже последовательность уловлена, абсолютизация ее ведет к односторонности и ошибкам; у Гегеля одна фигура силлогизма сама по себе переходит в другую, причем причина образования одной формы умозаключения, лежащая вне другого, на основе которого возникает первое, исчезает. Почему? Потому что *мышление должно отступить от принципа "тождества" — зафиксировать факт ставшей формы и идти к условиям ее возникновения*» (с. 45).

Это замечание З. эвристически важно тем, что указывает на новые возможности исследования — а значит, и построения — процессов реального мышления. В самом ближайшем времени эти возможности были использованы Г. П. в его работе «Опыт анализа сложного текста, содержащего решение математической задачи»²⁸, где в ходе тщательнейшего исследования того, как Аристарх Самосский (III в. до н. э.) определил отношение расстояний «Солнце — Земля» и «Луна — Земля», была описана сложная, нелинейная структура процесса решения задачи, в которой имеют место и параллельные, и ортогональные, и встречные — от известного к неизвестному — отрезки, «движение в задачах» (промежуточных) и т. д.

«Гегель настаивает на том, чтобы категории не просто перечислялись, а *выводились* одна из другой. Как это осуществить?

Пусть даже последовательность категорий тождественна последовательности соответствующих им явлений в истории предмета. Чтобы порядок категорий был именно таким, надо, очевидно, еще исследовать последовательность истории предмета. В последней, к тому же, надо выявить, как возникает одно явление на основе другого.

²⁸ Эта работа была написана в 1955–1957 гг., неоднократно обсуждалась, в 1962 г. вошла в состав представленной, но не принятой к защите (по причине превышения объема) диссертации «О методе исследования мышления». Опубликована впервые в 1997 г. в сб. «Философия. Наука. Методология» и повторно в составе полного (насколько удалось собрать из сохранившегося в архиве) текста диссертации (Щедровицкий 1955–1957/2007).

А для этого надо поставить вопрос о тех процессах, посредством которых отражается, исследуется предмет, связь его сторон во времени, — т. е. вопрос о приемах отражения» (с. 46).

Завершающее раздел, посвященный «ошибкам Гегеля», и первую главу диссертации рассуждение очень, на мой взгляд, интересно и убедительно — с той же самой оговоркой, что оно относится не к Гегелю, а к марксистам-гегельянцам, держащимся принципа тождества бытия и мышления (в том числе, видимо, к «другу-врагу» Ильенкову).

«При рассмотрении предмета надо начать с абстрактного. Но *чтобы понять предмет, надо его различные стороны иметь в созерцании*. Так, невозможно логически вывести деньги, если они уже не являются созерцаемым фактом. Тогда как с точки зрения "тождества" этого не должно быть, ибо если, например, исследователь знает о существовании капитала и этот факт принимает во внимание при исследовании товара, он в ходе этого "принятия во внимание" совершает логический процесс, опровергающий теорию "тождества".

Гегель начинает свою "Логику" с "бытия-ничто", лишенных всякого определения. **Уже одна мысль о "лишенности определений" может существовать лишь в соотношении с определенными категориями. Невозможно в мысли сделать ни одного шага, если хотя бы с какой-то стороны не намечен тот пункт, к которому надо идти. И этот пункт даже в отрицательной форме дает себя знать в исходном пункте.** Далее Гегель воображает, что из имманентной диалектики "бытия-ничто" [он] выводит прочие категории — качество и т. д. На деле он эти категории имеет в голове до того, как их вывел» (с. 47).

Фактически, утверждает З., Гегель, претендуя на *выведение* (т. е. открытие) категорий, остается там же, где и преодолеваемая им формальная логика: *обосновывает заранее известное*. Интенция этой критики, в общем-то, все та же: от логики обоснования к логике открытия, познания нового.

Ну и, в заключение, надо все-таки отдать великому мыслителю должное.

«Мы взяли в учении Гегеля лишь одну сторону, не рассматривая колоссального богатства мыслей в его "Логике". Урок, который надо учесть из рассмотренной ошибки Гегеля, заключается в следующем: с точки зрения "тождества" или *плоского отражения* (для понимания специфических законов движения мысли они одинаково ошибочны) невозможно понять приемы диалектического мышления. Надо, исходя из того факта, что мышление открывает в предмете диалектику его, рассмотреть, какие мысленные процессы вырастают на этой основе. Это мы и сделаем на примере восхождения в "Капитале" Маркса» (с. 48).

3. Заключение. Недовыясненное и недорешенное

Я полагаю, что уже на рассмотренном материале могу утверждать, что все три высказанные в начале статьи гипотезы вполне подтвердились: очевидны и (1) тенденция конструктивизации — от спекулятивного мышления о мышлении к «инженерно-техническому» отношению к мыслительному процессу, и (2) выдающаяся роль в этом процессе работы А. А. Зиновьева, и (3) ключевое значение произведенной им «революции», отказа от принципа «тождества мышления и бытия». Несомненно, стоит прошагать по этому пути и до конца — чтобы получить более конкретную картину того,

как с этим материалом работал Г. П. Щедровицкий, картину предьстории мыследеятельности методологии. Но сейчас я хочу остановиться на вопросах, которые представляются заведомо открытыми, «недовьясненными и недорешенными». Таких вопросов немало, но я выделю один — об **акте мышления**.

Для 3. атомом, клеточкой мышления является акт абстрагирования. Это само по себе нисколько не ново, если бы не своеобразное понимание абстракции, почерпнутое у Гегеля и принимаемое как специфика диалектического познающего мышления: в ходе познания органического, т. е. развивающегося, объекта «стороны отвлекаются для того, чтобы их исследовать. Исследовать особым образом: сторона исследуется отвлеченно от другой (других) и, вместе с тем, исследуется *в том освещении, какое на нее бросает другая, в связи с другой*». Продлевая эту мысль, можно сказать, что всякая отвлекаемая при абстрагировании сторона исследуется «в том освещении, какое на нее бросает» многосторонний, конкретный образ предмета — тот, который предстоит получить. Абстракция совершается как бы в предведении конкретного, желудь растет, чтобы стать дубом, с оглядкой на дуб. Диалектическое мышление телеологично.

Но ведь именно это качество диалектического мышления только и дает основание считать познающим, порождающим новое знание, иначе говоря, творческим, а соответствующую логику содержательной — в отличие от формальной логики, фиксирующей связи внутри готового знания. Диалектика — это про реальное, творческое мышление. Но, сказав «А», приходится сказать и «Б»: реальное мышление не только открывает новое, но и делает это в процессе поиска, наталкиваясь на тупики и совершая ошибки.

И тогда сразу же встает вопрос: остаемся ли мы, исследуя такое мышление и строя его теорию, в рамках логики — или вступаем в область, которой издавна занималась психология? Этот вопрос стоял и в рассматриваемый период, его актуальность отразилась в названии той организационной формы, в рамках которой тогда обсуждались проблемы мышления — Комиссии по психологии мышления и логике.

Соответственно, нужно принять к рассмотрению еще одну фигуру, тесно связанную со всеми основными персонажами этой статьи — В. В. Давыдова (далее — Д.). По своим философским взглядам Д. в большой мере ученик и последователь Ильенкова, но область его профессиональной деятельности — психология и педагогика; период наиболее тесного его сотрудничества с Г. П. — вторая половина 1950-х и начало 1960-х гг.; это было исследование процессов решения детьми арифметических задач. Важнейший прикладной результат исследовательской деятельности Д. — разработанная совместно с Д. Б. Элькониным концепция раннего формирования абстрактного мышления у детей, реализованная в созданной им экспериментальной школе. К рассматриваемому периоду относится ряд работ Д. о мышлении и отдельном мыслительном акте, которые, как правило, обсуждались на Комиссии по психологии мышления и логике²⁹.

В качестве определяющего свойства человеческого мышления как способности Д. указывает на то, что человек (в отличие от животного) видит не только наличное, но и возможное — те свойства вещей, которые могут проявиться в ходе изменения, вызванного их столкновением с другими вещами. Эта способность формируется у него в труде на основе фиксации «соотношения нового наличного свойства, наступившего

²⁹ Эти работы были позднее собраны в книге «Деятельностная теория мышления» (Давыдов 2005), на которую, более определенно, на главу «Определение мышления», я далее и ссылаюсь.

В этих своих работах Д. использовал, в частности, результаты экспериментов по изучению решения задач детьми, которые проводились под руководством Г. П. Н. И. Непомнящая и С. Г. Якобсон. В архиве ММК сохранились записи обсуждений этих экспериментов и соответствующих публикаций, происходившие при активном участии Д. — см. Обсуждение... 1959.

после изменения, с тем другим свойством, которое было до взаимодействия. На этой основе рождается и способность предвидеть, что произойдет, если произвести с вещью определенные преобразования. Специфика человеческого мышления зиждется на производстве вещей и учете их изменяющихся свойств, причем не по конечному результату, ибо в итоге это тоже ориентировка на наличные свойства, а по ходу действия, до наступления изменений» (с. 9). Следующим шагом в развитии этой способности является группировка ситуаций, обладающих признаками, общими для них и отличающих их от ситуаций в других группах. И наконец, «действие переключается с частной ситуации на ее модель, схему. Этот переход от реальной ситуации к схеме и есть самое характерное для человеческого мышления. Каждая группа заменяется типичным своим представителем, изменения которого теперь становятся показателем возможных изменений группы» (с. 9–10).

«Природа умения "сразу видеть" возможность получения желаемого результата, — оговаривает Д., — пока неизвестна, но твердо установлено, что суть способности находить решение — в этом умении» (с. 10).

Рассматривая природу «умственного» (т. е. собственно мыслительного) действия при решении задач детьми в его отличии от предметных способов решения (т. е., например, сложения чисел в отличие от пересчета предметов), Д. указывает на ту роль, которую при этом играет учет прежде совершавшихся действий других людей, выразившихся в слове (с. 12–13).

В небольшом, но очень емком тексте «Анализ структуры мыслительного акта» (там же, с. 1–15; Давыдов 1960) дано определение такого акта, которое «совпадает с определением всеобщего в мышлении, с определением его "клеточки"» (с. 13). «Мышление возникает в проблемной ситуации. <...> [Это] выделение ("усмотрение") тех ранее скрытых отношений, опора на которые и приводит к решению задачи» (с. 13).

Д. далее рассматривает наиболее развитую, по его оценке, теорию мышления — С. Л. Рубинштейна, который видел суть мыслительного процесса в раскрытии неизвестных свойств объекта путем так называемого «анализа через синтез», при котором объект ставится во все новые отношения, раскрывая тем самым свои все новые скрытые свойства. Неудовлетворительность этой теории он видит в неверном понимании мыслительной функции «понятия», которое у Рубинштейна выступает как лишь «средство фиксации нового качества, <...> но не как активная форма осуществления самого открытия новых качеств, новых отношений объекта» (с. 14). То «поворачивание» познаваемого объекта различными гранями, которое по Рубинштейну составляет существо мыслительных актов, становится возможным исключительно в силу «изменения формы исходных данных» об объекте, замещения их «понятийными формами», «знаковыми моделями».

Как соотносятся между собой взгляды на мышление и мыслительный акт Д. и Г. П.?

В архиве есть заметки Г. П. непосредственно с обсуждения доклада Д. о структуре мыслительного акта. Там мое внимание привлекли две заметки. Одна: «Это напоминает "ага-ситуацию"» (с. 0004) — к ней я вернусь несколько позже. Другая: «Что делает знак "б" моделью? Включение в определенную систему деятельности» (с. 0006).

Смысл и значение второй заметки станет понятнее из рецензии Г. П. на этот текст Д. в докладе, сделанном на внутреннем семинаре ММК шестью годами позже:

«Как же мы будем объяснять, исходя из всего того, что здесь говорилось, происхождение языка и мышления? Здесь сталкиваются две принципиально различных схемы. Очень четко и точно обе эти схемы зафиксированы в небольшом сообщении В. В. Давыдова, которое было опубликовано несколько лет назад в Докладах АПН. Статья Давыдова называлась "О структуре мыслительного акта". Есть две различных позиции

в понимании мышления. Одна позиция заключается в следующем: мы смотрим на объекты, и у нас появляются мысли. Эти мысли мы выражаем в знаках языка.

Итак, есть объекты. Я элиминирую все промежуточные звенья. Это сейчас не важно. Важно только зафиксировать, что от объектов идет мысль, как образ этих объектов. Эту самую мысль затем люди выражают в знаках. Давыдов анализирует различные психологические теории происхождения мысли и показывает, что суть их всегда сводилась к одному — к тому, что мы отражаем объект, а потом то, что мы отразили, мы понимаем. И это понимание задает подход к проблеме происхождения. Тогда мы должны сначала объяснить происхождение мысли, затем параллельно происхождение языка, а затем — связку того и другого. Другими словами, таким образом, обезьяны научились выражать мысли в знаках языка.

Принципиально другая точка зрения исходит из того, что объекты замещаются другими объектами или знаками. При этом появление этого самого отношения замещения и есть появление мысли. И никаких других мыслей, кроме как происходящих таким образом, быть не может. Но при этом, принимая такую схему, мы, естественно, **не имеем проблемы происхождения мысли в голове человека как нечто такого, что идет от объекта. Такой схемы вообще не возникает. Здесь можно двигаться исключительно в сфере социума.** <...>

Тогда сами вопросы — каким образом в объектах выделяются те или иные стороны и каким путем происходит отражение их — расшифровываются совершенно другим способом. Не потому мы выделяем что-то в объекте, что мы поворачиваем его различным образом и с помощью головного мозга отражаем различные стороны этого объекта в мыслях, или понятиях, или концептах. А потому происходит выделение сторон, что мы замещаем один объект другим, в принципе не похожим на него» (Щедровицкий 1965б).

Здесь, на мой взгляд, хорошо видно, что нашел (и поддержал) Г. П. в концепции Д. и в каком направлении он ее «сдвинул». У Д. уже присутствует идея мышления как замещения объективного содержания знаковой формой (он ее называет «понятийной»), и, что очень важно, присутствует та идея, что благодаря такому замещению происходит опора на результаты предшествующей мыслительно-познавательной деятельности других людей, и это — то, что соответствует схеме знания в содержательно-генетической логике ММК. Но Д. остается в рамках психологистической субъект-объектной парадигмы, и Г. П. в своем переосмысляющем изложении поправляет его, акцентируя на индивидуальном характере развивающегося мышления. Этой теме специально посвящен ряд текстов Г. П. этого периода, таких как сделанный в 1961 году на Комиссии доклад «Мышление как функция общества и индивид» (Щедровицкий 1961).

Тема «акта мышления» присутствует и в позднейших обсуждениях на семинарах ММК. Выделю еще два важных текста: доклад 1963 года о методах анализа чувственно-множественного целого (Щедровицкий 1963б) и большая неопубликованная статья 1976 года «Проблемы построения системной теории сложного "популярного" объекта» (Щедровицкий 1976). Из них видна тенденция дальнейшего развития представления о мыслительном акте, который начинает мыслиться не как «единица» мышления (см. выше у Д.: «определение которого совпадает с определением всеобщего в мышлении»), а как элемент в системе мыслительной деятельности.

Почему, однако, я поместил этот экскурс о мыслительном акте в раздел «недовьясненного и недорешенного»? Что в связи с ним считаю таковым? Вспомним выделенный выше тезис Д., что «природа умения "сразу видеть" возможность получения желаемого результата пока неизвестна». Стала ли она известной в результате исследований мышления в ММК? Д. отмечает, что «мышление возникает в проблемной

ситуации». Проблемность — это стержневая идея для того, как мыслили в ММК вообще и о мышлении в частности. В период ОДИ разрабатывалась специальная техника проблематизации (см. ОДИ-16). Вспомним: логика вообще возникает из необходимости обучать мышлению. Тем, кто от природы владеет в совершенстве этой способностью, возможно, она и не особенно нужна³⁰. Суммируя все наработанное, можно сказать, что учить найдена возможность нормам мыслительной деятельности, ее приемам, способам и средствам. И еще создавать проблемные ситуации и помещать в них обучаемого. А вот сообщать способность «сразу видеть» решение тому, у кого ее нет, все равно остается проблемой. «Ага-эффект», с которым Г. П. сопоставил мыслительный акт у Д., остается загадкой.

Литература

* ЭБ — Электронная библиотека 2000, собрание текстов в Word, размещенное на сайте «Архив ММК» (mmk-documentum.ru).

- Арутюнянц А. Метод / Малая Советская Энциклопедия. Т. 5. — М., 1930.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Т. 1 (https://bookscafe.net/book/gegel_georg_vilgelm_fridrih_lekcii_po_istorii_filosofii_kniga_pervaya-250155.html).
- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Соч. Т. 5.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. Соч. Т. 7.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. — М., 1974.
- Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. — М., 1961.
- Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. / Его же. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. — М., 2000.
- Давыдов В. В. Анализ структуры мыслительного акта // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 2 (<https://lektsii.org/2-84298.html>).
- Давыдов В. В. Деятельностная теория мышления. — М., 2005 (цит. по: https://psyjournals.ru/kip/2006/n2/Davidov_full.shtml).
- Зиновьев А. А.:
- Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса) (1954) // То же. — М., 2002.
- Стенограмма защиты (1954) // <http://zinoviev.info/wps/archives/603>.
- Логическое строение знаний о связях (1959а) // Логические исследования. — М., 1959.
- Следование как свойство высказываний о связях (1959б) // Науч. доклад высшей школы. Философские науки. 1959. № 3.
- Об одной программе исследования мышления (1959в) // Доклады АПН РСФСР. 1959. № 2.
- К вопросу о методе исследования знаний (высказывания о связях) (1960а) // Доклад АПН РСФСР. 1960. № 3.

³⁰ Вспоминается А. С. Пушкин, которого не только император Николай I считал «умнейшим человеком России». В отроческие годы в Лицее он ни в грош не ставил занятия логикой как смешные в своей бессмысленности — для него, Пушкина, добавлю я.

- К определению понятия связи (1960б) // Вопросы философии. 1960. № 8.
Русская судьба, исповедь отщепенца. Книга мемуаров. — М., 1999.
(https://booksafe.net/book/zinovev_aleksandr-russkaya_sudba_ispoved_otschepenca-17154.html)
- Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. — М., 1960.
- Ладенко И. С. Об отношении эквивалентности и его роли в некоторых процессах мышления // Докл. АПН РСФСР. 1958а. № 1.
- Ладенко И. С. О процессах мышления, связанных с установлением отношения эквивалентности // Докл. АПН РСФСР. 1958б. № 2.
- Ленин В. И. Философские тетради. — М., 1990 (<https://rabkrin.org/lenin-v-i-filosofskie-tetrad-kniga/>).
- Маркс К. Капитал. Т. 1. — М., 1952.
- Обсуждение вопросов, связанных с решением арифметических задач (1959) // https://drive.google.com/drive/folders/1ZF_vXBIXiCHlsm25SzcEZ4ecldp6YR6v
ОДИ-16. М., 2017
- Щедровицкий Г. П.:
[Материалы к диплому] (1953а) // Электронный архив фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого».
- [Заметки по диалектике]. С. 0019–0040 (1953б) // Электронный архив фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого».
- Современная наука и задачи развития логики (1954а) // Философия. Наука. Методология. — М., 1997.
- Замечания к диссертации Зиновьева (1954б) // Электронный архив фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого».
- (с В. А. Костеловским) О некоторых предпосылках и условиях формирования статистического метода в физике (1955/1993) // Электронный архив фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого».
- О методе исследования мышления (1955–1957). — М., 2006.
- «Языковое мышление» и его анализ (1957а) // Избранные труды. — М., 1993.
- (с Н. Г. Алексеевым) О возможных путях изучения мышления как деятельности (1957б). Архив ММК // ЭБ* gp57b
- О строении атрибутивного знания (1958а) // Избранные труды. — М., 1993.
- (с Н. Г. Алексеевым и В. А. Костеловским) Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований (1960) // Избранные труды. — М., 1993.
- Мышление вообще и мышление индивида (1961). Архив ММК // <http://www.mmk-documentum.ru/archive/documentum/fax/152>
- О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик (1962а). Архив ММК // ЭБ* gp62a
- Из истории ММК (1962б) // ММК. (Из архива Г. П. Щедровицкого. Вып. 8 (1).) — М., 2004.
- Методологические замечания к проблеме происхождения языка (1963а) // Избранные труды. — М., 1993.
- Фрагменты из доклада о методах анализа чувственно-множественного целого (1963б) // Электронный архив фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого».
- Проблемы методологии системного исследования (1964а) // Избранные труды. — М., 1993.
- К логическому анализу структуры понятия «связь». Доклад на Системно-структурном семинаре (1964б) Архив ММК // <http://www.mmk-documentum.ru/archive/documentum/fax/167>

Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки (1965б). (Из архива Г. П. Щедровицкого. Вып. 7.) — М., 2004.

Понятия истории и развития (1965в) // Электронный архив фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого».

Начала системно-структурного исследования взитимоотношений в малых группах (1966) (Из архива Г. П. Щедровицкого. Вып. 3.) — М., 1999.

Заметки о понятиях «объект» и «предмет» (1968) // Философия. Наука. Методология. — М., 1997.

Обзорный доклад (1970). Архив ММК // <http://www.mmk-documentum.ru/archive/documentum/fax/110>

Обсуждение понятия «структура» (1973). Архив ММК // <http://www.mmk-documentum.ru/archive/documentum/fax/5>

Общая идея метода восхождения от абстрактного к конкретному // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). — М., 1975.

Проблемы построения системной теории сложного «популярного» объекта (1976). Архив ММК // ЭБ* гр76а

Типология и классификация как формы систематической организации знаний (1980). Архив ММК // ЭБ* гр80с

Я всегда был идеалистом (1980–1981). — М., 2001.

Философия, методология, наука (1988) // Философия. Наука. Методология. — М., 1997.

О форме и содержании (1989). Арх. Ю. М. Березкина // <https://smd.mirtesen.ru/blog/43482468673/G.P.-SCHedrovitskiy.-O-forme-i-soderzhanii>

Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Его же. Анти-Дюринг. Диалектика природы. — М., 2017. https://royallib.com/book/engels_fridrih/antidyuring_dialektika_prirodi_sbornik.html

Энгельс Ф. Диалектика природы. Там же.

Magee G. A. The Hegel Dictionary. NY, 2010 https://books.google.ru/books?id=khvwpJMzNzMC&pg=PR7&lpg=PR7&dq=hegel+dictionary&source=bl&ots=_qxFCTs_pW&sig=ACfU3U3evqCPYZPWn_NJOoCwHXcQM3LQxw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwirtZ2kuo7tAhVMr4sKHUzvBYgQ6AEwBHoECB0QAq#v=onepage&q=hegel%20dictionary&f=false

References

Arutyunyan A. Metod [Method] / Malaya Sovetskaya Enciklopediya [Small Soviet Encyclopedia]. v. 5. Moscow, 1930.

Hegel G. F. W. Lektsii po istorii filosofii [Lectures on the History of philosophy]. V. 1. URL: https://booksafe.net/book/gegel_georg_vilgelm_fridrih-lekcii_po_istorii_filosofii_kniga_pervaya-250155.html. (In Russian)

Hegel G. F. W. Nauka Logiki [Science of Logic], Collected Works, v. 5, Moscow, 1974. (In Russian)

Hegel G. F. W. Filosofia prava. [Philosophy of Law]. Collected Works, v. 7, Moscow, 1974. (In Russian)

Hegel G. F. W. Enciklopediya filosofskih nauk [Encyclopedia of philosophical sciences], v. 1. Moscow, 1974. (In Russian)

Grushin B. A. Ocherki logiki istoricheskogo issledovaniya [Notes on logic of historical studies]. Moscow, 1961.

Humboldt W. Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung. Moscow, 2000. (In Russian)

Davydov V. V. Analiz strukturi myslitel'nogo akta [The analysis of the structure of a thinking act]. Doklady APN RSFSR 1960. № 2 URL: <https://lektsii.org/2-84298.html>.

Davydov V. V. Деятельностная теория мышления [The activity theory of thinking]. Moscow, 2005 (https://psyjournals.ru/kip/2006/n2/Davidov_full.shtml_).

Zinovyev A. A.:

The ascension of abstract to concrete (on the material of *The Capital* by K. Marx) (1954).

Zinovyev thesis defense (verbatim) (1954), URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/603>.

The logical structure of knowledge on links (1959a), Logical studies. Moscow, 1959.

Sequence as a property of statements about links (1959b), Philosophical sciences, № 3, 1959.

On a program of study of thinking process (1959b), APN RSFSR reports, № 2, 1959.

On the method of investigation of knowledge (of statements about links) (1960a) // APN RSFSR reports, № 3, 1960.

On the definition of the concept of link (1960b), Philosophical questions, № 8, 1960.

A Russian destiny, a confession by an outsider. Moscow, 1999. URL: https://bookscafe.net/book/zinovev_aleksandr-russkaya_sudba_ishpoved_otschepenka-17154.html

Il'enkov E. V. The dialectics of the abstract and the concrete in *The Capital* by Marx. Moscow, 1960.

Ladenko I. S. On the equivalence relation and its role in some thinking processes. APN RSFSR Reports, № 1, 1958a.

Ladenko I. S. On the thinking processes related to establishment of equivalence relations. APN RSFSR Reports, № 2, 1958b.

Lenin V. I. Philosophical Notes. Moscow, 1990 (<https://rabkrin.org/lenin-v-i-filosofskie-tetrad-kniga/>).

Marx K. The Capital. Vol. 1, Moscow, 1952.

Magee G. A. The Hegel Dictionary. NY, 2010 https://books.google.ru/books?id=khvwPJMzNzMC&pg=PR7&lpg=PR7&dq=hegel+dictionary&source=bl&ots=_qxFCTs_pW&sig=ACfU3U3evqCPYZPWn_NJOoCwHXcQM3LQxw&hl=r u&sa=X&ved=2ahUKEwrtZ2kuo7tAhVMr4sKHUzvBYgQ6AEwBH0ECB0QA#v=onepage&q=hegel%20dictionary&f=false

MMC in persons. Ed. by M. S. Khromchenko. Vol. 1, 2. Moscow, 2006, 2007.

A discussion of questions related to solving arithmetic problems (1959). URL: https://drive.google.com/drive/folders/1ZF_vXBIXiCHlsm25SzcEZ4ecldp6YR6v

Activity-organization game — 16. Moscow, 2017.

Schedrovitskiy G. P. archive and works:

Materials to the graduation paper (1953a) // Online-archive of the “Schedrovitskiy Institute of Development”.

Notes on dialectics C. 0019-0040 (1953b) // Online-archive of the “Schedrovitskiy Institute of Development”.

Modern science and the goals of logic development (1954a) // Philosophy. Science. Methodology. Moscow, 1997.

Notes to Zinovyev thesis (1954b) // Online-archive of the “Schedrovitskiy Institute of Development”.

On some premises and conditions for the development of the statistical method in physics (1955/1993) // Online-archive of the “Schedrovitskiy Institute of Development”.

- On the method to study thinking. (1955–1957). Moscow, 2006.
- “Language thinking” and the analysis thereof (1957a) // Selected works. Moscow, 1993.
- On possible ways for studying thinking as activity. (1957b). MMC archive. ЭБ* gp57b
- On the structure of attributive knowledge (1958a) Selected works. Moscow, 1993.
- The principle of “parallelism of form and content of thinking” and its meaning for traditional logical and psychological studies (1960). Selected works. Moscow, 1993.
- Thinking in general and thinking of an individual (1961). MMC archive, URL: <http://www.mmk-documentum.ru/archive/documentum/fax/152>
- On the difference between basic concepts of the “formal” and “substantial” logics (1962a). MMC archive. ЭБ* gp62a
- On the history of the MMC (1962b) // MMC (Schedrovitsky’s archive. Issue 8 (1)). Moscow, 2004.
- Methodological notes to the problem of the language origin. (1963a). Selected works, Moscow, 1993.
- Excerpts from a report on the methods for analysis of a sensually whole (1963b). Online-archive of the “Schedrovitsky Institute of Development”.
- Problems of methodology of system studies, (1964a) // Selected works, Moscow, 1993.
- On the logical analysis of the structure of link concept (1964b). MMC archive, URL: <http://www.mmk-documentum.ru/archive/documentum/fax/167>
- Problems of the logic of scientific study and the analysis of science structure (Schedrovitsky’s archive. Issue 7). Moscow, 2004.
- Concepts of history and development (1965a). Online-archive of the “Schedrovitsky Institute of Development”.
- Principles of system-structural analysis of relations in small groups (1966) (Schedrovitsky’s archive. Issue 3). Moscow, 1999.
- Notes on the concepts of *object* and *predmet* (subject matter) (1968). Philosophy. Science. Methodology. Moscow, 1997.
- The overview report (1970). MMC archive. URL: <http://www.mmk-documentum.ru/archive/documentum/fax/110>
- Discussion on the concept of “structure” (1973). MMC archive. URL: <http://www.mmk-documentum.ru/archive/documentum/fax/5>
- The general idea of the method of ascension from abstract to concrete. Development and implementation of automated systems in design (theory and methodology). Moscow, 1975.
- Problems of building a system theory of a complex “populative” object (1976). MMC archive. ЭБ* gp76a
- Typology and classification as forms of systematic organization of knowledge (1980). MMC archive // ЭБ* gp80c
- I have always been an idealist (1980–1981). Moscow, 2001.
- Philosophy, methodology, science (1988) // Moscow, 1997.
- On form and content (1989). Beryozkin archive, URL: <https://smd.mirtesen.ru/blog/43482468673/G.P.-SCHedrovitskiy.-O-forme-i-soderzhanii>

The ascent to methodology **(To the prehistory of Moscow Methodological Circle)**

Rokityansky V.,

Independent researcher, Moscow,

gignomai@yandex.ru

Abstract: The paper is about the roots of one of the most impressive phenomena of Russian XX century thought, the Moscow Methodological Circle (MMC) for almost forty years led by G. P. Schedrovitsky. It is based on three hypotheses: (1) the development of the school took place as constructivization, operationalization and instrumentalization of Hegelian and Marxian logic the return to serious study thereof in the Soviet philosophy was connected to the name of E. V. Ilyenlov, (2) the key role in this movement was played by the thesis of A. A. Zinovyev on the “method of ascension from abstract to concrete” in the *Capital* by K. Marx, and (3) the main novelty of Zinovyev was his rejection of the principle of identity of thought and being, which is a sort of second (after Kant) “Copernican revolution” in thinking. The main body of the paper is a synopsis of the first chapter of the mentioned thesis of Zinovyev with our comments showing how seminal ideas of Zinovyev develop into a huge tree of the methodology of Schedrovitsky and the MMC. There is a comprehensive list of texts by Schedrovitsky, published and archival, which should be further studied to reconstruct the history of the MMC. In the end of the paper one of the controversial question is discussed – on the nature of an act of thinking (based on the texts by V. V. Davydov, a psychologist of the same mental circle, and on comments to it by Schedrovitsky).

Keywords: thinking, logic, dialectics, method, category, form and content, abstract, concrete, methodology.